

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

№3₍₂₁₎

2009

Москва 2009

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, Л.Е. Горизонтов, Е.Н. Евсева, В.Д. Зими́на,
А.А. Киличенко́в, Т.Ю. Краси́вицкая, А.В. Круше́льников,
В.В. Минаев, В.А. Муравьев, А.С. Сенин, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, E. Evseeva, L. Gorizontov,
A. Kilichenkov, T. Krasovitskaia, A. Krushelnitskii,
V. Minaev, V. Muraviev, A. Senin, P. Shkarenkov, V. Zimina**

Publisher **S. Ippolito**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Quarterly journal

Address:
6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat'»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2009
© by Russian State University
for the Humanities, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Виктора Александровича Муравьева 6

Статьи

- Белова А.В.** «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.) 9
- Ерегина Н.Т.** Медицинский факультет Ярославского университета: несостоявшаяся судьба (1919–1924 гг.) 20
- Холина М.В.** Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) 31
- Комаров А.Н.** Политические партии Канады: прошлое и настоящее 42

Сообщения

- Дрыгина Н.Н.** Из истории губернского бюрократизма эпохи Великих реформ 50
- Симонов А.А.** Красная Армия Саратовского Совета (весна 1918 г.) 57
- Иванов А.А.** Организация советской контрразведки на севере России (1918–1920 гг.) 66

Антибольшевистская Россия

- Иоффе Г. (Канада)** Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова ... 72
- Карпенко С.В.** Наступление ВСЮР на Москву летом 1919 г.: победы на фронте и финансовый кризис в тылу 86
- Калугин Ю.** Комбриг Маслак: «Ухожу на Дон с обиженным знаменем» 96

События и судьбы

- Войтиков С.С.** «Дело о шпионстве» генштабиста Теодори 103

XX век в нашей памяти

- Крушельницкий А.В.** О Николае Петровиче Ерошкине – преподавателе ... 118

У книжной полки

Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке; *Широкорад А.Б.* Упущенный шанс Врангеля: Крым, Бизерта, Галлиполи; *Голдин В.И.*

Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках; *Симонов А.И.* Сидоров против Гимmlера: Раскрытая тайна ареста; *Жильцов С.С.* Украина: Перегрузка...; *Шабров А.В., Романюк В.П.* Санкт-Петербургская государственная медицинская академия имени И.И. Мечникова. 125

Содержание, авторы, аннотации 147
Contents, Authors, Summaries 154

**ПАМЯТИ
ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА МУРАВЬЕВА**

25 октября 2009 г. скончался Виктор Александрович Муравьев – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, один из старейших профессоров Историко-архивного института, заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Виктор Александрович родился 17 января 1941 г. в Ярославской области, в семье офицера. По окончании школы поступил в Московский государственный историко-архивный институт и в 1963 г. окончил его. Своими учителями считал Владимира Евгеньевича Иллерицкого и Сигурда Оттовича Шмидта.

С 1968 г. преподавал в Московском государственном историко-архивном институте (с 1991 г. – Российский государственный гуманитарный уни-

верситет). В 1988 г. защитил докторскую диссертацию, в 1989 г. стал профессором кафедры отечественной истории досоветского периода. На этой кафедре он сформировался как ведущий специалист по истории исторической науки. Его научные и учебно-методические работы в этой области и в настоящее время во многом определяют магистральное направление изучения и преподавания истории исторического знания на разных факультетах РГГУ.

В 1987 г., не чувствуя в себе призвания к организационной, руководящей деятельности, он – из чувства долга – согласился стать проректором по науке Московского государственного историко-архивного института в сложный период его перерастания в Российский государственный гуманитарный университет. Он активно участвовал в разработке концепции РГГУ, много сделал для его становления как гуманитарного университета. В конце 1990 г., в трудный для кафедры вспомогательных исторических дисциплин период, после кончины ее заведующего Александра Лазаревича Станиславского, Виктор Александрович согласился возглавить кафедру. Он заведовал ею до февраля 2002 г., в самый сложный период обретения новой концептуальности в условиях становления РГГУ, период разработки многочисленных учебных курсов, читаемых по кафедре не только для специальности «историко-архивоведение», но и для других гуманитарных специальностей – от искусствоведения до философии. Именно тогда была представлена на Ученом Совете РГГУ и принята концепция развития кафедры. В ее название было добавлено слово «источниковедение», что, с одной стороны, закрепило системообразующий статус источниковедения в системе преподаваемых по кафедре дисциплин, а с другой – способствовало идентификации кафедры в российском образовательном пространстве.

Для кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Виктор Александрович был незаменимым человеком. Он, несомненно, являлся ведущим профессором кафедры. С равным блеском читал лекции по истории исторической науки и исторической географии и вел семинары по источниковедению и теории и методологии истории, плодотворно сотрудничая со своими молодыми коллегами, читающими лекционные курсы.

Научные интересы Виктора Александровича отличались обширностью и в то же время концептуальной целостностью. Он – автор более 150 опубликованных трудов, в том числе монографии «Ленинская концепция революции 1905–1907 гг. в России и советская историография» (в соавторстве с О.В. Волобуевым; М., 1982), учебного пособия «Советская историография революции 1905–1907 гг.» (М., 1985) и других учебных изданий по истории исторической науки, а также множества научных работ, среди которых выделяются статьи, написанные для энциклопедии «Отечественная история» и для Большой российской энциклопедии.

Будучи уже признанным специалистом в области истории исторической науки и общественной мысли в России XVIII–XX вв., Виктор Алек-

сандрович, перейдя на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, занялся проблемами исторической географии России. Он разработал новую концепцию ее преподавания и оригинальные курсы исторической географии России и исторической географии Европы. В последние годы Виктор Александрович активно занимался проблематикой вспомогательных исторических дисциплин, что было обусловлено целиком и полностью потребностями кафедры, выходящий на новый уровень их осмысления и преподавания. Обладая незаурядным концептуальным мышлением, Виктор Александрович внес существенный вклад в осмысление вспомогательных исторических дисциплин как имеющих самостоятельное культурологическое значение.

Работая на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Виктор Александрович был неизменным и незаменимым членом Оргкомитета ежегодных конференций, проводимых кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин с 1989 г., и самым внимательным редактором их материалов. Он не только участвовал в разработке оригинальной проблематики каждой конференции, но и постоянно выступал с концептуальным докладом на пленарных заседаниях. Несомненно, его доклады обогатили науку. Среди них – «Пространство, время, история человека и общества: Историческая география в системе исторических наук», сделанный на конференции 1997 г. «Исторический источник: Человек и пространство», и «Левифан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории» на конференции 1998 г. «Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации».

Виктор Александрович был членом Совета Историко-архивного института, почетным членом Ученого совета РГГУ, членом Археографической комиссии РАН. Входил в несколько диссертационных советов.

Виктор Александрович всегда был желанным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций. Благодаря его высокому профессионализму, отзыв часто был глубже и содержательней самой диссертации. Но его врожденные мягкость, такт и доброжелательность облекали высказываемые им мысли в такую форму, что диссертант не только не чувствовал себя уязвленным, но и наоборот – всю обнаруженную оппонентом научную глубину и значимость диссертации, как правило, относил на свой счет.

Виктор Александрович всегда был в центре научной коммуникации, привлекал к себе людей, старался возвращать любые, даже самые чуждые, ростки профессионализма.

Светлая память о Викторе Александровиче Муравьеве навсегда сохранится в сердцах его друзей, коллег и учеников.

А.В. Белова

**«СНОВА ПРИНИМАЕШЬ ВИД СТАРУХИ»:
ВОСПРИЯТИЕ СТАРОСТИ РУССКИМИ ДВОРЯНКАМИ
(XVIII – середина XIX вв.)**

Старость как «возраст жизни» – одна из наименее изученных стадий жизненного пути русской дворянки. Цель данной статьи – анализ переживаний и осмысления женской «старости» через изучение различий видения себя и другими замужних, вдовых и незамужних немолодых, пожилых, старых провинциальных дворянок.

В российской дворянской среде XVIII – середины XIX вв. не принято было различать пожилой (условно, с 60 до 75 лет) возраст, преклонный (с 75 до 90 лет) возраст и возраст долголетия (90 лет и выше). Старость как «возраст жизни» воспринималась достойным сожаления завершением земного бытия и, вместе с тем, временем подведения эмоциональных итогов пережитого, неуклонного приближения к смерти.

Постоянное ожидание предела жизни побуждало многих женщин, обретших к этому возрасту имущественную самостоятельность, к осознанному и своевременному распоряжению своим материальным достоянием¹, что служило одной из важных стратегий самовыражения. Получив, иногда только к концу жизни, свободу принятия решений и, в частности, волеизъявления в отношении имущества, провинциальные дворянки старались заранее составить завещание с тем, чтобы успеть «насладиться» собственными распорядительными полномочиями и связанным с ними эмоциональным ресурсом, а в ряде случаев и возможностью заинтриговать близких и дальних родственников. Не случайно, «учиния», как гласила формула, «заблаговременно подоброй своей воле» духовное завещание, наследодательницы оставляли за собой право «оное завещание в чем либо переменить или же вовсе уничтожить»², обретая редко выпадавшую им в течение предшествовавшей жизни возможность манипулировать другими людьми. Естественно, в силу различия душевных качеств, они по-разному воспринимали открывавшуюся перед ними «властную» перспективу.

Дворянками «старость» именовалась «летами», или «склоном лет». Несмотря на то, что зачастую этот возраст был связан с экономической независимостью и широкими семейными полномочиями, в письмах он субъективно обесценивался посредством дискурса ограниченности воз-

возможностей. 53-летняя вдова Аграфена Васильевна Кафтырева, урожденная Мацкевичева (1796–1892), переехав в дом овдовевшей княгини С.С. Щербатовой «в душливой и зловонной Москве»³, писала деверю А.А. Кафтыреву в Старицу: «...Признаюсь вам откровенно, любезный братец, что мне очень грустно; конечно, всякая перемена жизни в мои лета очень тяжела, если она не ведет к большому спокойствию. Здесь я нахожу больше этикету; я никогда не любила его, ни общества многолюдного и модного, а теперь каждый вечер я имею удовольствие знакомиться с новыми лицами, потому что теперь Княгиня принимать начала посещения всех тех, которые пожелают ее видеть, а знакома она со всею Москвою, то мимо глаз моих проходит настоящая панорама. Если бы я была помоложе, это бы меня занимало; может быть по привычку»⁴.

Осознание себя после 50-ти женщиной «в летах», тяготящейся любыми проявлениями жизненной мобильности, необходимостью соблюдения социального этикета и поддержания светской коммуникации, противопоставляемой «спокойствию» как идеальному состоянию, не исключает однако и определенного позерства. Стратегия позиционирования дворянкой себя в качестве «уставшей от света» являлась не атрибутом возраста, а способом легитимации своей причастности к известному социальному кругу. Хотя при всех оговорках А.В. Кафтырева не была уникальна в своих устремлениях: практически о том же ей писала приятельница Н. Философова. Размеренную повседневность двух пожилых сестер, проживавших вместе, – Натальи Философовой и Надежды Ознобишиной – в определенный момент нарушило «оживление», вызванное свадьбой племянника и сына Николая Ознобишина: «...Признаюсь что мы с сестрой отвыкшия от торжашни с нетерпением ожидаем окончания празднеств чтоб зажить опять мирной семейной жизнью»⁵. В последнем случае, когда речь не шла о ведении светского образа жизни, внутренний поиск «спокойствия» и «мира» в большей степени соотносился с возрастными характеристиками личности.

Для многих дворянок заключительный «возраст жизни» становился временем воспоминания о прожитом и пережитом. Одна из мемуаристок, в частности, заявляла: «Это воспоминание написано княгиней Елисаветой Григорьевной Хилковой, урожденною княжною Волконскою. На склоне лет, и в тиши деревенского уединения, изложила она несколько мыслей и чувств, вызванных памятью о высоком нравственном существе (Императрице Марии Федоровне. – А.Б.), в близи котораго протекли годы ея молодости»⁶.

При этом, ведя диалог с воображаемыми читателями, она постоянно отстаивала конструктивные возможности собственной памяти, как бы преодолевая стереотип ее возрастной ограниченности: «Люди рождаются с благословением Божиим, Господь каждому по милосердию Своему дает ум, красоту, талант, богатство; меня Господь одарил памятью: в 79 лет я пишу эти записки, справьтесь, вы не найдете ни прибавленного, ни убавленного»⁷, «...верьте мне, что я не лгу!»⁸.

Старости в той или иной степени было присуще ретроспективное мышление: устремленность не «вперед», в будущее, а, наоборот, «назад», в прошлое. Е.А. Сабанеева замечала: «...Настала старость с ее недугами, тоскою и утратами, а мысль, стремясь в прошедшее, роется в нем...»⁹. Отсюда – нацеленность пожилых дворянок на процесс вспоминания собственной прожитой жизни. Как выразилась княгиня Н.Б. Долгорукая, «сколько можно, буду стараться, чтоб привести на память все то, что случилось мне в жизни моей»¹⁰. Нежелание образованных дворянок бесследно «кануть в небытие» побуждало многих из них «по себе оставить на память журнал»¹¹.

«Обращение в слова» и запись тяжелых переживаний из собственной жизни, плохих воспоминаний, которыми, за редким исключением, наполнены мемуары российских дворянок XVIII – середины XIX вв., было способом избавиться от них, «отложить» их, отодвинув от себя. А хорошие воспоминания, поддерживаемые женской памятью, напротив, возрождали и помогали поддерживать ощущение счастья. Конструирование текстов воспоминаний на склоне лет как субъективные попытки отстранения пережитой боли и душевных страданий и одновременного прорыва к внутренним источникам счастья свидетельствует о наибольшей востребованности скрытых эмоциональных ресурсов женской личности для нее самой именно в этом возрасте. И вместе с тем – о наличии достаточного количества разнообразных жизненных опытов, позволявших иначе (менее травматично) осмысливать и истолковывать свое прошлое. Подлежавшие записи и прочтению посторонними воспоминания в любом случае были селективными и могли соотноситься не только с внутренним образом себя, но и с образом, моделируемым для внешнего восприятия.

Сбережение к преклонному возрасту не только конструктивных возможностей памяти, а вообще личностных дарований особо подчеркивалась мемуаристками, очевидно, как явление необычное, вызывавшее удивление. Графиня В.Н. Головина поражалась: «Я никогда не видала старика более веселого и заслуживающего уважения. До восьмидесяти четырех лет он сохранил все свои способности»¹².

Те из дворянок, которые в «зрелом» возрасте бывали при дворе и вели светский столичный образ жизни, отойдя от него в старости и окупившись в провинциальную помещицкую повседневность, продолжали осознавать себя выделяющимися из социокультурного окружения. И это давало им внутренний повод к особой манере поведения в домашнем пространстве. Мемуаристка А.П. Керн отмечала эту черту характера у своей бабушки А.Ф. Вульф, урожденной Муравьевой (?–1810): «Бабушка Анна Федоровна и сестра ее Любовь Федоровна, нежно мною любимая и горячо привязанная к моей матери, были аристократки. Первая держала себя чрезвычайно важно, даже с детьми своими, несмотря на то, что входила во все мелочи домашнего хозяйства. Так, например, я помню, что в ее убор-

ную приносили кувшины молока и она снимала с них сливки для всего огромного ее семейства. Пирог всегда лепился при ней на большом столе в девичьей, огромной комнате с тремя окнами. Тут пеклись хлеба к Светлому празднику и часто разбирались осетр в рост человека. Важничанье бабушки происходило оттого, что она бывала при дворе и представлялась Марии Федоровне во время Павла I с матерью моею, бывшею тогда еще в девицах»¹³.

Обусловлено это было и аристократическим происхождением, и тем, что она «ездила со всем своим семейством в Петербург в конце прошлого (XVIII. – А.Б.) века к брату Николаю Муравьеву, бывшему С.-Петербургскому обер-полицмейстеру», и тем, что была «близкая родственница известного Михаила Никитича Муравьева, воспитателя и друга Александра I»¹⁴. Ощущение своих социальных корней, наличие влиятельного родства, личное знакомство с императрицей психологически шло вразрез с повседневной жизнью пожилой провинциальной дворянки, ее хозяйственными заботами, среди которых одно из главных мест занимало удовлетворение гастрономических запросов многочисленной семьи. Вместе с тем личные и статусные амбиции реализовывались в повседневности провинциалки через стремление поставить под свой непосредственный скрупулезный контроль всю «экономику» дворянского дома.

Для Надежды Ознобишиной, приятельницы А.В. Кафтыревой, связанной с ней еще и духовным родством, старость ассоциировалась с нереализуемостью желаний: «...Как бы мне хотелось прижать вас и несравненную Екатерину Гаврилану (Племянницу А.В. Кафтыревой. – А.Б.) к моему сердцу и поблагодарить вас за все, но к сожалению расстояние велико, а лета не позволяют думать о возможности свидания, а потому только мысленно переносишься к вам и вспоминаешь былое, при чем всегда как то радостно бьется сердце и делаешься моложе и душой и телом, но через несколько минут видишь что это оптической обман после которого снова принимаешь вид старухи, для которой мечты более не осуществяются и для которой будущего уже нет, вот почему несравненной друг мой я не надеюсь вас обнять»¹⁵.

Особенно интересны внутренние метаморфозы автора письма от старости к более молодому возрасту и обратно под влиянием воспоминаний, причем «омоложение» мыслилось ею не только как изменение настроения и душевного настроя, но и как «обретение» прежней телесности. Устранение иллюзии, или, как выразилась Ознобишина, «оптического обмана», возвращало ее к адекватному восприятию своего нынешнего визуального и эмоционального облика, который обесценивался в ее сознании жизненной бесперспективностью и конечностью переживаемого возраста. А главное, - невозможностью реализовать мечты. Очевидно, помимо видимого повседневного измерения женского бытия большое значение придавалось «невидимому», внутреннему «проживанию» жизни. Мыс-

ленное обращение к позитивным воспоминаниям и виртуальное осуществление нереализованных возможностей играло важную роль в структуре женской эмоциональности и конструировании собственной идентичности. При этом отождествление со «старухой», вопреки способности ощущать себя более молодой, свидетельствует об усвоении ею гендерных представлений, согласно которым поведение индивида детерминировано полом и возрастом и, в силу этого, всегда должно оставаться «подобающим» им.

Женское восприятие старости было сопряжено со страхом угасания жизни, запечатленного в визуальных антропологических признаках старения. Канадский историк и писатель русского дворянского происхождения М. Игнатъев, воссоздавая историю своих предков, приводил слова из мемуаров прабабушки, графини Наталии Николаевны Игнатъевой, урожденной княжны Мещерской (1877–1944): «Спустя много лет Наташа писала: «<...> Теперь, когда я сама стала старой, мне кажется, что старости я боялась с детских лет, что старые люди всегда производили на меня тягостное впечатление. Кажется, это так грустно, отмечать перемены, происходящие с близкими и дорогими людьми. И даже теперь, когда я сама состарилась, я чувствую, что никогда не смогу преодолеть чувство благоговейного трепета и ужаса перед старостью». Наташе было шестьдесят пять, когда, мысленно возвращаясь в то далекое время и вспоминая, как на глазах осиротевшей дочери ее мать сгибалась под бременем обрушившегося на нее горя, она писала эти строки»¹⁶.

Вероятно, поэтому, в женской автодокументальной традиции «старость» не оставалась незамеченной, становясь элементом личностной характеристики индивидов как женского, так и мужского пола. Даже у мемуаристок, представительниц придворного круга, в описании постоянно фигурируют «старички», «общество, состоящее из большею частью стариков», «старые придворные», «старый камергер», «старые дамы», «старая графиня», «старый граф», «старая женщина», «старуха», «старая свекровь»¹⁷. При этом если применительно к мужчинам термины «старости» в ряде случаев могли иметь положительную, уважительную окраску («почтенный старик», «почтенный и уважаемый старик», «старик веселый и заслуживающий уважения»¹⁸), то в отношении женщин они почти всегда носили уничижительный характер («старая баба», «старая кокетка», «упрямая старуха»¹⁹). Уподобление мужчины «старой бабе» служило одним из элементов его подчеркнута негативной характеристики: «Граф Михаил Румянцев был светским человеком, очень ограниченным, самолюбивым и сплетником худшего сорта, вроде старой бабы»²⁰. Графиня В.Н. Головина среди встреченных ею в жизни персоналий вспоминала приведшую ее «в изумление» герцогиню-«старую кокетку шестидесяти лет», «шестидесятилетнюю старуху, у которой с одной стороны рука и нога чрезмерно распухли, другая же сторона вся высохла», «старую женщину, невысокого роста, полную, с ногами такими же толстыми, как туловище, с трудом передвига-

шуюся для себя, но деятельную и проворную для блага других»²¹. Из этого видно, что женщина в возрасте 60-ти лет безапелляционно считалась «старой» или «старухой», ее личностная характеристика практически исчерпывалась возрастными изменениями телесности, стремление же к поддержанию внешней привлекательности за такой женщиной не признавалось и осуждалось.

Социальный типаж «старухи» в женской автодокументальной традиции нередко подлежал описанию как воплощение необычности поведения, мышления, мироощущения²². Графиней В.Н. Головиной старость противопоставлялась не зрелости, а молодости²³. Причем столкновение старости и молодости часто оборачивалось не в пользу последней. «Старухи», выступавшие в роли рассказчиц или менторов по отношению к «молодым девушкам», вызывали у них страх, печаль и смущение²⁴. Поводом для сравнения служили даже гастрономические предпочтения «молодых» и «старых», однако в данном случае старость, которой атрибутировалось пристрастие к «вкусной» еде как едва ли не единственному доступному телесному удовольствию, по мнению мемуаристки, «проигрывала» молодости: «Мы обедали в Кронштадте у вице-адмирала Пушкина. Изобилие плохо приготовленных блюд не способствовало возбуждению аппетита, но молодость, здоровье и телесное упражнение делают вкусными кушанья. Лакомство – это слабость старости, последнее наслаждение, очень печальное и скучное. Юность не думает о желудке, ее аппетит гораздо деликатнее»²⁵.

Вместе с тем, у той же В.Н. Головиной можно встретить и позитивный «портрет» пожилой женщины, называемой уже не «старухой», а «старушкой». Правда, речь идет о близкой свойственнице, матери мужа, отзываться о которой дурно в мемуарах вряд ли могло считаться пристойным, каким бы ни было отношение к ней на самом деле. Имелась, правда, возможность умолчать о ней, что наводит на мысль о значимости по тем или иным мотивам включения данной характеристики в текст воспоминаний невестки: либо она, действительно, хорошо относилась к своей свекрови, либо стремилась это письменно запечатлеть и продемонстрировать. Кроме того, мемуаристка транслировала не только личную оценку «почтенной старушки», но и публичное признание ее «достоинств» и высокое мнение о ней императрицы. Очевидно, последние обстоятельства и стали основной причиной, побудившей Головину включить данный фрагмент в свой текст, в том числе и с целью повышения самооценки: «...Моя свекровь просила у Императрицы разрешение лично поблагодарить ее за своего сына. Она была слишком стара и глуха, чтобы быть представленной Императрице во время церемонии в Зимнем дворце, когда он был назначен маршалом двора Великого Князя Александра. Ее Величество соизволила предоставить ей эту милость... Моя свекровь была очень гуманной женщиной с большими достоинствами, справедливо пользовавшейся всегда великоллепной репутацией. Она вполне доказала свое мужество во время несча-

стий и ссылки ее семьи и своего тюремного заключения в царствование Императрицы Елизаветы. Она уже давно не выезжала в свет по причине своей болезненности. Едва она появилась в гостиной, как раздался всеобщий крик радости. У ней целовали руки и оказывали все знаки уважения. Я должна откровенно сознаться, что была тронута и гордилась этими изъявлениями почтения. Императрица приняла ее крайне милостиво... повела нас во внутренние апартаменты, чтобы показать их моей свекрови, которая воспользовалась отсутствием придворных, чтобы броситься к Императрице и в трогательных выражениях передать, насколько она была благодарна Государыне за то, что она позаботилась об ее старости и ее сыне... Ее Величество... наслаждалась веселостью, которую эта любезная и почтенная старушка распространяла вокруг себя»²⁶.

Так или иначе, «старость» описывалась в дискурсах телесных недостатков (глухота) и болезни, которые иллюстрировали ограниченность физических (пониженный слух) и социальных (отсутствие мобильности) возможностей и ассоциировались, собственно, с «женским» и «возрастным». Однако их негативные интонации смягчались положительной характеристикой пожилой дворянки (гуманность, достоинство, репутация, мужество, публичное оказание знаков уважения, изъявление почтения). Показательно, что сама «любезная и почтенная старушка» воспринимала высокое служебное назначение сына как «заботу о старости», необходимость которой априори ею подразумевалась и составляла один из элементов конструирования идентичности, связанный с осознанием и принятием мысли о своей возрастной немощности. Усвоение данной установки на индивидуальном уровне, в известном смысле, вводило старость в задаваемые культурой дисциплинарные рамки.

В представлении и столичных жительниц, и провинциалок «старость» воспринималась как возраст, нуждающийся в «опоре»²⁷ и «успокоении» со стороны взрослых детей. Смоленская дворянка Анна Ивановна Мацкевичева писала 40-летней дочери А.В. Кафтыревой, с которой на протяжении жизни бывала в разных отношениях: «Милая любезная и несравненная Дружочик моя Грушинька! Сердечно и вторично благодарю тебя мой дружочик за твою присылку, а болие за твою обо мне память; поверь что твое усердие дороже для меня всех сокровищ в мире; тем болие что я во всю мою жизнь ничем тебя не наградила, а ты мой несравненной дружочик приобретаая собственными трудами и с потерию твоего здоровья которое для меня драгоценно; отказываешь себе а успокоиваешь мою старость...»²⁸.

Из этого письма понятно, что поведение матери в более раннем возрасте по отношению к дочери не было адекватно заботе дочери о ней в старости. А.И. Мацкевичева прямо признает, что «во всю жизнь» ее «ничем не наградила». Тем не менее это не стало поводом для А.В. Кафтыревой не оказывать материальную поддержку пожилой матери. В другом письме последняя также сознавала свое несправедливое обращение с до-

черью, которая, по ее же признанию, «во всю свою жизнь никогда ничего предо мною не сделала, кроме как всегда старалась доставлять мне большое удовольствие»²⁹: «... Чтож мой Дружок я так долго к тебе не отвечала на твое драгоценнейшее для меня письмо которое я оросила слезами раскаяния пред тобою я много и очень много пред тобою погрешила и одно только твое Ангельское терпенье может простить меня и забыть все те дерские поступки которые я против тебя делала а ты как кроткой Ангел все мне простила...»³⁰.

Это может служить примером того, как взрослые дочери, в отличие от сыновей (или, по крайней мере, чаще последних) становились объектами материнского гонения. С другой же стороны, свидетельствовать об укоренности представления о том, что, как бы матери не вели себя по отношению к детям, в том числе дочерям, последние должны «подкреплять их старость»³¹.

Не лучше А.И. Мацкевичева относилась к дочери Анне Васильевне и зятю Алексею Тимофеевичу Редзиковым, которые, так же как и А.В. Кафтырева, по словам самой матери, «во всю свою жизнь не пользовались от меня ничем ни на грош»³². Они же, несмотря на это, сохраняли к ней «любовь и необыкновенное попечение»³³, благодаря чему она, живя у них в старости, «ни в чом не имела крайности»³⁴. А.Т. Редзиков писал в одном из писем А.В. Кафтыревой: «... Таперь есть еще некоторая отрада, маминька Анна Ивановна, имела на нас несколько лет гонения; ныне ж усмотря нашу невинность, обратилась с прежним своим родительским к нам расположением; живет у нас, и тем доставляет нам в горести самое лестное для нас благодаяние...»³⁵. В столь сильной психологической зависимости от пожилой «маминьки» находился даже не сын, а зять, не говоря уже о дочери, что подтверждает сохранение патриархальных устоев в провинциальных дворянских семьях и присущего любому традиционному обществу подчеркнутого уважения к старшим. На этом зачастую базировался практиковавшийся в среде дворянства эмоциональный диктат пожилых матерей в отношении более молодых домочадцев, которые ему практически не сопротивлялись ввиду стереотипов подчинения и необходимости признания авторитета родительницы.

Недовольство престарелой дворянки вызывали не только дочери и зять, но и невестка, с которой она затеяла судебную тяжбу. Это наводит на мысль о ее маниакальном опасении угрозы со стороны всех вообще представителей «зрелого» поколения семьи, которые и не помышляли ущемлять ее или покушаться на ее «малейшую и отставшую... собственность»³⁶. История взаимоотношений пожилой А.И. Мацкевичевой с поколением взрослых «детей» может быть описана формулой: не доверяй всем, кто моложе тебя. Расцветившая в письме к дочери, которую незадолго до этого она также притесняла на протяжении длительного времени, свою распря с невесткой, дворянка почтенного возраста сохраняла исключительную де-

ловитость и расторопность в вопросе отстаивания своих владельческих прав: «Я потому к тебе мой друг так долго не писала что ездила в Конную хлопотать о освобождении моего собственного имения взятаго в опеку невесткою. Она всем завладела всем пользуется и не хочет добровольно отдать моей собственности что вынудило меня наконец подать прозбу в Уездный Бельской Суд. Я ожидая решения по моему делу с 10 мая по 1 августа в Конной терпела от невестки не только неприятности но даже притеснения на конец решила удалиться и действовать чрез почту не поверишь мой друг как мучит меня это; до сих пор не получила из Белой ничего и не знаю какой оборот взяло дело. Да ты мой друг кажется еще предлагаешь мне собственные твои трудовые деньги то скажу тебе по чистой совести что присланные мне тобою прежде до одной копейки у меня целы я их никуда не употреблю кроме естли Бог поможет кончить дело с невесткою то они пойдут на совершение актов на имя твое для такой цели я их взяла и прежде»³⁷.

Один из характерных атрибутов старости – дискурс болезни, звучащий лейтмотивом большинства женских писем. Так, А.И. Мацкевичева жаловалась дочери: «...Причина моему молчанию была жестокая болезнь моя так что доктор и все окружающие меня ни имели никакой надежды к моему выздоровлению тепер же благодарение Всевышнему Творцу совершенно здорова...»³⁸.

В. Горчакова высказывала в письме к той же А.В. Кафтыревой сожаления по поводу невозможности личной встречи из-за неудовлетворительного самочувствия: «Милая А.В., мы приехали сегодня из Москвы, и мне очень очень досадно что я не могу к вам пойдти сейчас же по случаю нездоровья. Как только оправлюсь буду у вас непременно, но на это потребуетя несколько дней. Надеюсь что вы себя чувствуете хорошо. Мне сказали что вы здоровы но не выходите, вероятно вас утомляет лестница? Вот и я тоже поэтому должна подождать пока совсем не поправлюсь чтоб не испортить себя на долгое время. А очень досадно быть так близко от вас и не видеться!»³⁹

При этом тема «нездоровья», становясь предметом как письменного, так и устного обсуждения, соотносится с возрастными трудностями, например подъема по лестнице.

Болезнь воспринималась как симптом угасания жизни и потому неизменно озвучивалась в женских письмах подробно и эмоционально. Именно так следует понимать переживания Н. Ознобишиной по поводу ухудшения самочувствия ее сестры Н. Философовой: «Все это время не смотря на радостное событие в семье моей я нахожусь в тревожном состоянии несравненной друг мой от болезни моей Наташи, вот уже другой месяц как силы ей изменили и она чувствует нервическое трясение в руках ногах и голове, зная хорошо чувства которая нас соединяют друг с другом вы поймете как тяжело у меня на сердце, так что и предстоя. свадьба Никола не рассеивает моих грустных чувств...»⁴⁰

Однако и старческие болезни не всегда оказывались необратимыми, чем немало удивляли даже самих их «обладательниц». Оправившаяся после длительного недомогания Н. Философова писала А.В. Кафтыревой: «Наконец дорогая моя Аграфена Васильевна рука моя не противится сердцу и позволяет приписать вам хотя несколько строк и послать вам нежные поцелуи, жаль что мысленные, а мне бы так хотелось разцеловать вас с головы до ножек за дружбу вашу к нашей милой Любе и Нилу, приезд которых оживил меня совершенно и разпросам обо всех вас нет конца...»⁴¹.

Вместе с тем возрастные заболевания осознавались как своего рода неизбежность, смиренное принятие которой – предмет эпистолярных нападаний, обращенных пожилым дворянином к пожилой дворянке: «Прятейшее письмо ваше от 30го октября, я имел удовольствия получить, благодарю вас за оное, и душевно радуюсь что вы здоровы и благополучны – хотя и жалуетесь на страдания от недугов ваших; но как эта болезнь для нас стариков неизлечима; и потому надобно нам старикам переносить ее с Христианским Терпением Почтеннейшая Сестрица!»⁴²

Продолжительность жизни воспринималась зависящей от Бога, а убывание жизненных сил – «слабость» – как один из признаков приближающейся кончины: «Благодарю тебя за привет, которым ты оканчиваешь свои письма, я охотно этому верю, и надеюсь, что ежели Господь прадлит еще мой век, то и наделе даст мне сие уразуметь – я очень стала ослабевать, нынешней Год мне весьма тяжел»⁴³.

При этом перед лицом надвигающейся смерти уместным считалось исполнение непритязательных желаний, доставление маленьких житейских радостей: «Матушка Глафира все это время жила сомною в Волочке и на Берески и вчерась отправилась в Бологое, чтоб итти в Волдай и т.д: вы не поверите как ей было грустно сомною растатся да и мне ее очень жаль она так стала слаба незнаю как ей итти. Не забудьте моя радная ее камиссии мне кажется она нам уже ненадолго, надобно потешить. Чувствует сильную боль в груди кашляет точно Суворов последнее время и задыхается неможет духу перевести когда взайдет к нам на антресоль»⁴⁴.

Осознание старости как времени утрат, переживания смерти близких и череды болезней, одиночество и однообразие вели к тому что, старость воспринималась самими «старухами» как своего рода безвременье, как период максимального расхождения желаемого с действительным: «О себе я вам скажу, что мне теперь слава Богу полутче, а после потери, кончине друга моего сестры Княгини Анне Александровне очень была нездорова, которая 16го января скончалась и глядя наея болезнь и Страдание совершенно размучилась, будучи с ней день иночь вместе иона была намоих руках оставить было ненакого, ибо сын ея и невестка, докончины ея задве недели только приехали. Но она совершенной христианкой кончила жизнь, причащалась имаслом соборовалась в чистой памяти, ия теперь совершенно осталась одна иведу жизнь в скуке потеряв обеих друзей и сестер...»⁴⁵.

Таким образом, в восприятии российских дворянок XVIII – середины XIX вв. старость как возраст жизни, помимо полноты самоощущения и исполненности индивидуального проекта («лета», «век»), – нисходящая фаза жизненного цикла («склон лет»). Объективное возрастание с годами, как в любом традиционном обществе, социальных потенциалов и амбиций субъективно снижалось осознанием собственной физической беспомощности, асоциальности, психологического бессилия в осуществлении желаний. Будучи временем эмоционального подведения итогов, возраст старости предполагал компенсацию событийной разреженности настоящего ретроспективным обращением к насыщенному опытами и переживаниями прошлому. При этом повседневность пожилых провинциалок отличалась большой хозяйственной занятостью и интенсивностью распорядительной деятельности, вплоть до деспотизма по отношению к многочисленным домочадцам обоого пола.

Примечания

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1871. Апухтины. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–1об.; Ф. 127. Оп. 4. Д. 5. Л. 1–22; Д. 8. Л. 1–19; Д. 13. Л. 1–24; Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–3; Д. 75. Л. 1–2об.; Д. 78. Л. 1–1об.

² ГАТО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 2об.

³ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 6об.

⁵ Там же. Л. 149об.

⁶ Хилкова Е.Г. Воспоминание об императрице Марии Феодоровне // Русский архив. 1873. Кн. 2. Вып. 7. Стб. 1121.

⁷ Смирная Е.-А.В. Данила Яковлевич Земской: Один из птенцов Петра Великого / Сообщ. П.В. Лобанов // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 69.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Сабанеева Е.А. Воспоминание о былом, 1770–1828 гг. // История жизни городской женщины. М., 1996. С. 335.

¹⁰ Долгорукова Н.Б. Своеручные записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990. С. 42.

¹¹ Там же.

¹² Головина В.Н. Мемуары. М., 2005. С. 287.

¹³ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине. М., 1987. С. 344–345.

¹⁴ Там же. С. 339, 344.

¹⁵ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 147.

¹⁶ Игнатъев М. Русский альбом: Семейная хроника. СПб., 1996. С. 32–33.

¹⁷ Головина В.Н. Указ. соч. С. 25, 51, 123, 150, 151, 275, 284, 321, 350 и др.

¹⁸ Там же. С. 215, 223, 287, 365, 368.

¹⁹ Там же. С. 171, 292, 350.

²⁰ Там же. С. 170–171.

²¹ Там же. С. 292, 294, 310.

²² Смирнова А.О. Из записной книжки Александры Осиповны Смирновой // Русский архив. 1890. Кн. 2. Вып. 6. С. 284.

- ²³ Головина В.Н. Указ. соч. С. 25.
²⁴ Там же. С. 321, 350.
²⁵ Там же. С. 94.
²⁶ Там же. С. 60–61.
²⁷ Там же. С. 361.
²⁸ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
²⁹ Там же. Л. 32об.
³⁰ Там же. Л. 37–37об.
³¹ Там же. Л. 37.
³² Там же.
³³ Там же. Л. 32об.
³⁴ Там же. Л. 37.
³⁵ Там же. Л. 38.
³⁶ Там же. Л. 37об.
³⁷ Там же. Л. 74–75.
³⁸ Там же. Л. 37об.
³⁹ Там же. Л. 123–123об.
⁴⁰ Там же. Л. 146об.–147.
⁴¹ Там же. Л. 149об.
⁴² ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 79.
⁴³ Там же. Л. 90.
⁴⁴ Там же. Л. 91–91об.
⁴⁵ Там же. Л. 54об.

Н.Т. Ерегина

МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЯРОСЛАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СУДЬБА (1919–1924 гг.)

В первые годы Советской власти быстро росло число высших учебных заведений. Только в 1918 г. в России появились 16 государственных университетов. Одним из них стал Ярославский, преобразованный из Демидовского юридического лица. Его открытие и деятельность в городе, еще не оправившемся от антибольшевистского восстания 1918 г., были сопряжены с многочисленными трудностями. Тем не менее, вслед за факультетом общественных и исторических наук (с экономическим, историческим, юридическим и кооперативным отделениями) был открыт еще один – медицинский.

Работу по его формированию с декабря 1918 г. начала комиссия, созданная по решению совета университета. В Народный комиссариат просвещения РСФСР, в ведение которого после октября 1917 г. перешли все

вузы, ректор университета проф. В.Н. Ширяев отправил подробный и объемный перечень необходимого оборудования. Развернутый план создания факультета, составленный проф. И.О. Зубовым, предполагал открытие 25-ти кафедр, музеев, лабораторий и 17-ти клиник, размещающихся в отдельных помещениях.

На первое время жилищный отдел Ярославского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выделил университету неплохие по тем временам здания – бывшей Духовной семинарии и бывшего Ионофановского училища (ныне в них размещается Педагогический университет им. К.Д. Ушинского). Казалось бы, все складывалось наилучшим образом. Однако 16 января 1919 г., в разгар ремонтных работ, Ярославская ГубЧК распорядилась предоставить здания университета для временного размещения особого сводного полка ВЧК¹. Все попытки правления ЯрГУ (в него входили ректор, проректор и деканы факультетов) воспротивиться этому распоряжению, все обращения в губисполком, медико-санитарный отдел, учетно-контрольную комиссию и даже Наркомпрос оказались безуспешными. Большая часть аудиторий была занята².

Подготовительные работы по открытию медицинского факультета приостановились. «В течение месяца слишком, – говорилось в отчете университета за 1918–1919 гг., – здание Университета было каким-то этапным пунктом, через который проходили различные воинские части. Это был еще начальный период формирования Красной Армии, почему ни должного порядка, ни дисциплины среди этих частей не было. Не было и должного уважения к тому высшему учебному заведению, в стены которого эти части попали случайно, так как для них не было подготовлено своевременно более подходящего места. В течение ряда недель Университет оглашался звуками труб, барабанов, выстрелов и напоминал собою скорее военный стан, чем мирный очаг просвещения и культуры»³.

15 февраля 1919 г., после освобождения зданий, созданная ректором комиссия осмотрела помещения. Составленный ею акт полон записей о вопиющей антисанитарной обстановке, сломанной и пущенной на топку мебели (шкафах, столах, стульях). В комнатах и на лестницах появились горы мусора и нечистот. Во дворе – переполненные выгребные и мусорные ямы. Все электрические лампочки – вывернуты и бесследно исчезли. Пол в занятых для постоя комнатах, лестничные площадки и уборные были загрязнены калом и мочой. Эта ужасающая антисанитария, а также зловоние, распространявшееся по зданию, заставили приостановить занятия на историческом отделении, равно как и дальнейшие работы по оборудованию медицинского факультета⁴.

Возобновились они лишь через два месяца.

Для полноценной работы факультета в первую очередь требовались кадры преподавателей. Для замещения профессорских и преподавательских должностей на новых кафедрах правление ЯрГУ обратилось на есте-

ственные и медицинские факультеты различных университетов. Желающих приехать в город, где после подавления восстания разрушенной оставалась большая часть жилого фонда, нашлось не много. В какой-то мере ситуацию спасала возможность открытия кафедр по мере перехода студентов на следующие курсы.

Весь груз подготовительных работ – составление сметы, учебного плана, подбор преподавателей, оборудование кафедр и лабораторий – легли на плечи проф. И.О. Зубова, работавшего в Демидовском лицее еще до революции. Доктор медицины с 1903 г., человек широчайшей эрудиции, до 1917 г. читавший курсы криминальной социологии и политики, он был известен своими трудами в области судебной медицины, психиатрии, неврологии, истории медицины. С декабря 1918 г. проф. И.О. Зубов временно исполнял обязанности декана, а в июне 1919 г. советом университета был единогласно избран деканом медицинского факультета.

В Ярославль начали прибывать первые посылки с книгами, лабораторным оборудованием, инструментами, медицинской мебелью. На приобретение всего самого необходимого коллегия Наркомпроса в 1919 г. выделила 3 245 778 руб.⁵. Однако отпуск выделенных кредитов задерживался, поэтому многие сделанные заказы приходилось отменять. Из-за полной неисправности водопровода и канализации возникали трудности с ремонтом выделенных зданий. 1 сентября 1919 г. на заседании совета университета было принято решение «примириться с необходимостью простейшего оборудования аудиторий и кабинетов в целях скорейшего начала учебных занятий», запланированных на 1 ноября⁶.

Объявленная дата начала занятий приближалась, однако многие профессора и преподаватели по-прежнему отказывались ехать в Ярославль из-за отсутствия жилья и перспектив его получения. Все, что правление университета могло предоставить – маленькие комнаты на верхних этажах учебных корпусов. К тому же в преддверии зимы губисполком, из-за топливного кризиса, отказал университету в снабжении дровами. Вместо этого выделил лесную делянку – для разработки силами сотрудников и студентов.

В довершение всех бед 24 октября 1919 г., по согласованию с губисполкомом, председатель Временной коллегии по размещению раненых отдал распоряжение правлению университета «в 24 часа освободить все помещения» в связи с их передачей под лазареты военного ведомства⁷. Весь университет был вынужден разместиться в здании бывшей Антиповской гимназии (ныне – анатомический корпус Ярославской медицинской академии). В те годы он совершенно не был приспособлен для занятий: подвалы затоплены, канализация не работала, печи дымили, но не грели. Кроме того, студенты лишились общежития и столовой, а служащие и преподаватели вынуждены были «уплотниться до последней степени и жить в условиях, исключаящих возможность какой-либо научной деятельности». Медицинскому факультету предоставили аудиторию Музея естественно-

исторического общества, годившуюся для лекций, но никак не для практических занятий⁸.

И все же, несмотря на все беды и препоны, 25 ноября 1919 г. на медицинском факультете начались занятия. С приветственным словом к преподавателям и студентам обратился ректор проф. В.Н. Ширияев. Декан факультета проф. О.И. Зубов прочел лекцию «Медицина как наука, как творчество и как дело милосердия». Он не мог не упомянуть о недавнем восстании: «Гражданская война коснулась нашего родного Ярославля. Грохотали пушки, нанося его телу многие и тяжкие раны. Город горел, а вместе с ним и его лучшее украшение – столетний почтенный старец – лицей с ценнейшей книжной сокровищницей – библиотекой. Лицей сгорел как здание, но не погиб как учреждение, не погубила для Ярославля высшая школа».

Особые слова были обращены к преподавателям и студентам медицинского факультета: «Мало открыть факультет, надо его поставить так... чтобы широким лучом исходил из него свет науки и чтобы выпускал он людей действительных знаний, трудолюбивых, воспитанных и проникнутых моральными началами, которые должны блистать как в сфере обязанностей гражданина, так и обязанностей профессионала... Дело врачебной помощи не укладывается в рамки исправного, даже добросовестного исполнения своих обязанностей, но нередко требует большего: оно требует приносить на пользу страждущего не только холодный мозг с его познаниями, но и душу, исполненную терпения и любви»⁹.

Постановления Наркомпроса, отменяющие вступительные испытания, позволяли принимать практически неограниченное количество студентов. К занятиям на медицинском факультете приступили 505 человек. Но буквально через несколько недель их пришлось прервать из-за сильных морозов. Крайне скудные запасы дров не позволяли протопить аудитории. Возобновились занятия лишь 1 февраля 1920 г. Теперь их приходилось вести ударными темпами. Многим слушателям программа факультета оказалась не по силам. К концу первого учебного года на курсе остались лишь 210 человек. Зато посещаемость стала почти стопроцентной¹⁰. Большой отсев студентов в те годы был характерен для всех вузов: из-за трудностей совмещения учебы с работой, бытовых тягот, а чаще из-за переоценки молодыми людьми своих возможностей и способностей.

Распоряжением Наркомпроса лекции и практические занятия переносились на вечернее время: в дневное «дети пролетариата заняты работой на производстве». Топливный кризис заставил пересмотреть это решение, так как дневные занятия позволяли экономить электричество и керосин. Ни о каком оборудовании аудиторий до выселения лазаретов не могло быть речи. Когда в феврале 1920 г. правлению университета удалось вернуть свои здания, проблем стало еще больше. То небольшое, что ранее удалось сделать по обустройству факультета, оказалось разрушенным. Во дворе остались переполненные зловонные ямы от убогих лазаретов. Среди боль-

ных было много тифозных, поэтому существовала реальная угроза возникновения очага эпидемии¹¹. Лишь летом 1920 г. в возвращенных зданиях возобновился учебный процесс.

В таких условиях удержать преподавательский состав не было возможности. Накануне 1921/22 уч. г. уехали в Ташкент заведующие ведущими кафедрами 1-го курса – анатомии и гистологии – профессора И.П. Рождественский и Е.М. Шляхтин: там подбирались кадры для открывавшегося медицинского факультета Туркестанского университета. Из-за отказа избранных по конкурсу профессоров приехать в Ярославль, оставались незамещенными шесть кафедр 3-го и 4-го курсов¹². Отсутствие заведующих тормозило подбор преподавателей, учебно-вспомогательного персонала, составление планов преподавания, не говоря уже о качестве учебного процесса. Часто менялись деканы факультета. За пять лет их сменилось четверо: профессора О.И. Зубов, П.П. Дьяконов, А.О. Блажевич, А.В. Тихонович. Административная работа в те годы была настолько обременительной, что рассматривалась как «жертва», на которую не каждый соглашался.

В условиях, когда многие кафедры оставались без заведующих, некоторые профессора вынуждены были читать лекционные курсы по нескольким дисциплинам. Так, проф. В.Г. Божовский читал лекции по факультетской терапии, госпитальной терапии, патологической анатомии. Проф. М.И. Граменицкий – по фармакологии и физиологии. Проф. П.П. Дьяконов – по описательной анатомии человека, топографической анатомии и оперативной хирургии. Проф. А.К. Федерольф – по микробиологии и общей и экспериментальной гигиене. Проф. В.П. Жуковский – по детским болезням и общей патологии. Проф. О.И. Зубов – по истории медицины и нервным болезням. На заседании правления университета 21 ноября 1922 г. было принято решение допускать к чтению лекций младших преподавателей¹³.

Провинциальные вузы многих городов Центральной России для чтения курсов лекций приглашали профессоров из Москвы. В условиях Гражданской войны и разрухи начала 1920-х гг. каждая такая поездка превращалась в настоящее испытание. В ноябре 1922 г. группа приглашенных профессоров Ярославского университета направила в правление полное отчаяния и обиды письмо о переносимых мытарствах, начинавшееся привычно вежливым обращением: «Настоящим позволим себе обратить внимание на большие неудобства...». Университетская бронь плацкартного лежачего места оставалось правом лишь на бумаге: реализовать его на практике не удавалось. Пассажиры переполненных вагонов на просьбу освободить забронированное место, как правило, отвечали непристойной руганью, хохотом, оскорблениями¹⁴. Вполне естественно, что после нескольких таких поездок, стоя в переполненном вагоне без возможности отдохнуть по приезде, профессора отказывались от предлагаемого совместительства. Тем более что в июне 1922 г. Ярославский университет извес- тил о прекращении оплаты проезда профессоров и преподавателей «ввиду

крайнего недостатка средств и задержки в получении их на ближайшее время»¹⁵.

Недостаток преподавателей возмещался приглашением хорошо успевающих старшекурсников проводить занятия. На одно место ассистента принимали двух студентов. Их называли «вридассы» (временно исполняющие должность ассистента). Кроме того, ситуацию спасало наличие в городе крупных лечебных учреждений и опытных практикующих врачей. Медицинский факультет был кровно заинтересован в сотрудничестве с ними, поскольку не имел собственных клиник. На факультете по совместительству работали известные ярославские врачи Г.Г. Фальк, А.А. Малинин, А.А. Голосов, В.А. Носков, Н.В. Соловьев, Н.С. Соловьев, Г.И. Курочкин, Г.В. Несытов, С.И. Столетов и другие.

Привлечению крупных специалистов практического здравоохранения к преподаванию активно способствовал Василий Васильевич Потемкин (1892–1947). Выпускник медицинского факультета Юрьевского университета, в 1919 г. он возглавил Ярославский губернский отдел здравоохранения, а в 1922 г. был назначен ректором университета. Талантливый организатор, он в 1924 г. был переведен на работу в Москву. Работал врачом в Санитарном управлении Кремля при Управлении делами Совнаркома, затем директором Биохимического института, деканом химического факультета МГУ, проректором по научной работе МГУ. Последние годы жизни заведовал лекторием МГУ.

Низкие зарплаты учебно-вспомогательного персонала затрудняли подбор необходимых служащих. Обычной практикой стало привлечение студентов к работе в качестве лаборантов и препараторов (младших служащих, занимающихся приготовлением демонстрационных препаратов и уборкой помещений). Нередко сами преподаватели и даже заведующие кафедрами вынуждены были исполнять обязанности препараторов. Так, заведующий кафедрой фармации и фармакогнозии проф. Э.К. Мезинг в течение нескольких месяцев лично убирал лаборатории, не имея возможности найти подходящего сотрудника из-за мизерной зарплаты¹⁶.

Еще в октябре 1920 г. в Москве и Петрограде, а также в 12-ти российских городах, в том числе в Ярославле, были учреждены Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ)¹⁷. Главное, чем Ярославская КУБУ могла помочь ученым, – обеспечение продуктовыми пайками. Но и они в это голодное время зачастую не спасали. В отчетах комиссии за 1922–1923 гг. неоднократно отмечалось, что «нормы мяса, рыбы и крупы систематически снижались. При норме 20 фунтов, в ноябре и октябре выдавалось по 3 фунта, в январе – 2,5». С октября 1922 г. академический паек лишился сахара, еще раньше – табака, спичек, соли, мыла. В основном он содержал самые дешевые продукты – муку ржаную, крупу ячменную. Мясо нередко заменялось солониной или сельдью и сушеной воблой. Нередко выдавались испортившиеся продукты: из-за отсутствия ледников мясо поступало

«уже начавшее портиться», селедки «ржавые, с червяками», яйца «непригодные к употреблению»¹⁸. В условиях продовольственного кризиса губпродкомы, как ни старались, не могли обеспечить поставку доброкачественных продуктов.

Медицинский факультет Ярославского университета постоянно ощущал недостаток помещений для занятий. Проф. А.В. Тихонович, назначенный деканом факультета в июне 1922 г., обращал внимание правления университета на недопустимость приема на 1-й курс более 150-ти человек. В те годы это была общая беда. В Высшую медицинскую школу, открытую в Москве в 1919 г. дополнительно к медицинским факультетам 1-го и 2-го университетов, записалось около 1 500 студентов, а переданный вузу в качестве клинической базы 1-й Московский коммунистический госпиталь позволял принять не более 250¹⁹. Пропускная способность лабораторий, степень их оснащенности оборудованием и количество преподавателей не могли обеспечить наплыва учащихся, характерного для тех лет.

До 1917 г. дети рабочих на медицинских факультетах отсутствовали, крестьяне составляли 2–4 %. Революция открыла двери университетов для рабочих и крестьян. Многократно увеличилась численность студентов. В том числе и на медицинских факультетах, хотя здесь «курс на пролетаризацию» явно буксовал. В 1921 г. лишь 12 % студентов медицинского факультета ЯрГУ были рабочими и детьми рабочих, 32 % – из крестьян (этой категорией часто прикрывались отнюдь не крестьяне); 47 % – из «интеллигентных пролетариев». Классовая принадлежность оставшихся 9 % обозначалась как «не выясненная»²⁰. Это изменение социального состава неизбежно влекло за собой снижение поведенческой культуры студенчества.

В аудиториях ярославского Дома санитарного просвещения, временно выделенных для чтения лекций студентам-медикам, пол оставался усыпанным окурками, шелухой от семечек, огрызками яблок. Администрация дома потребовала от правления университета соблюдения чистоты в помещениях, грозя в противном случае отказать в их предоставлении²¹. Новые, «рабоче-крестьянские», нравы постепенно укреплялись в университетской среде. Как точно подметили казанские историки, «особенно недолговечной оказалась культура дореволюционного студенчества. Юноша-интеллигент, с его тоской о судьбах страны и неизменным чувством вины перед народом, в 1920-е гг. полностью ушел со сцены. Его место в университете заняла жизнерадостная разнополая, разновозрастная толпа, лицо которой определяли сыновья и дочери «гегемона истории»²².

С 1922/23 уч. г. распоряжениями ВЦИК и СНК РСФСР в высших учебных заведениях была введена плата за обучение. Эта мера преследовала две цели. Первая – улучшить социальный состав студентов (под улучшением подразумевалось увеличение пролетарской прослойки) за счет дополнительных материальных барьеров для непролетарских слоев населения. Вторая – облегчить катастрофическое финансовое положение высшей школы

посредством отчисления части средств на нужды университетов. Материальное положение студента в расчет не принималось. Критерием назначения платы являлось социальное происхождение.

Освобождались от платы за обучение студенты, получавшие стипендию и учившиеся по направлениям партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, дети активных участников Гражданской войны и лица, имеющие заслуги перед революцией²³. У многих накапливалась задолженность по уплате, что ухудшало материальное положение кафедр. Руководство учебных заведений требовало от факультетов ужесточить контроль за внесением платы. Правление Ярославского университета установило правило, разрешавшее прием зачетов только у студентов, имевших в матрикулах (свидетельствах о зачислении в студенты – аналог современного студенческого билета) штампы счетно-финансового отдела: «от платы освобожден» или «плата внесена за тот или иной срок». Однако многие профессора считали не этичным и не позволительным требовать справки об оплате перед зачетом. Тогда правление ввело в практику составление списков оплативших за обучение, заверенных в студенческом отделе университета²⁴.

Введение платности мало улучшило материальное положение факультета. Как и прежде, ощущался недостаток денежных средств для организации полноценной учебной деятельности. Ситуация особенно осложнилась в 1922 г., когда Ярославский университет в числе других восьми вузов был снят с государственного снабжения и переведен на финансирование из местного бюджета²⁵. Вновь, как в 1918 г., стала нерегулярно выплачиваться заработная плата, начались перебои в финансировании клиник. Однако в «профессорской забастовке» (февраль 1922 г.), прошедшей в ряде вузов Москвы, Петрограда и активно поддержанной медицинским факультетом Казанского университета, преподаватели Ярославского университета участия не приняли. Видимо, слишком свежи были воспоминания о терроре, царившем в городе после подавления восстания 1918 г.

Указание Главного управления профессионального образования (Главпрофобр) Наркомпроса «изыскивать собственные источники дохода на улучшение научно-учебного дела» заставляло искать пути выживания. В декабре 1922 г. проф. А.В. Тихонович разработал предложения по работе организованной им клиники факультетской хирургии. Операции предусматривались бесплатные, но пациенты должны были платить за использование хирургического инструментария, лекарственных средств и перевязочных материалов по нормам, установленным специальной комиссией²⁶.

Немного поддерживали факультет добровольные денежные перечисления. Самым крупным пожертвованием стала передача гражданкой Раснер «на нужды медицинского факультета» 1 млрд. руб. в 1923 г. Все прочие пожертвования, как правило, не превышали нескольких сотен рублей. Так, в марте 1923 г. Ярославская губернская больница им. Н.В. Соловьева пере-

дала в пользу беднейших студентов-медиков 620 руб., собранных врачами. Гражданка Шнеерсон перечислила 500 руб., правление фабрики «Красный Перекоп» – 5 тысяч.²⁷

К концу 1923 г. положение медицинского факультета стало особенно тяжелым. На заседании правления университета 22 октября 1923 г. с тревогой отмечалось, что выпуск студентов 5-го курса оказался на грани срыва. Из-за отсутствия подходящих помещений и заведующих не могли начать работу 8 клинических кафедр выпускного курса. Теоретические кафедры, работавшие с младшими курсами, испытывали серьезные трудности с преподавателями и практически не оснащались новым оборудованием²⁸. Эти новые и обострившиеся старые проблемы в деятельности медицинского факультета по времени совпали с решением Наркомпроса пересмотреть сеть высших медицинских учебных заведений.

В крупных губернских центрах республики к этому времени образовался некоторый переизбыток врачей. Гражданская война завершилась, началась демобилизация врачей из Красной армии. Часть врачей высвободилась в связи с сокращением масштабов эпидемий. Кроме того, из-за перевода лечебных учреждений на местный бюджет их финансирование ухудшилось. Некоторые больницы, амбулатории и врачебные участки стали закрываться. В итоге среди врачей появилась безработица. В январе 1924 г. на биржах труда РСФСР зарегистрировались 2 443 безработных врача²⁹. В распоряжении Наркомздрава РСФСР от 14 апреля 1924 г. отмечалось: «На биржах труда много безработных, самый большой процент среди которых составляют врачи выпуска 1923 года, не имеющие практического стажа. В предстоящем 1924 г. ожидается выпуск из медвузов около 5 500 врачей, которые также окажутся в числе безработных»³⁰.

Массовые форсированные выпуски врачей уже не требовались. На повестку дня вставал вопрос о правильном распределении врачебных кадров и качестве их подготовки. Обе эти позиции оставались уязвимыми. Бурный рост высшей медицинской школы в первые послереволюционные годы был во многом искусственным и не обеспеченным реальными возможностями. На II съезде военкомов республики в марте 1922 г. нарком здравоохранения Н.А. Семашко отмечал: «Положение высшей школы слишком безвыходное. Мы слишком широко размахнулись, не учитывая реальные ресурсы»³¹.

Вопрос о возможном закрытии медицинских факультетов в Смоленске, Краснодаре, Ярославле, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге стал подниматься с конца 1921 г. На заседании коллегии Главпрофобра 9 декабря 1921 г. слушался вопрос «О сокращении сети учебных заведений». После обсуждения было принято решение закрыть медицинские факультеты в Астрахани и Самаре. Вопрос о Ярославле и Нижнем Новгороде остался открытым³². Подкомиссия Совнаркома по пересмотру сети учебных заведений на заседании 27 апреля 1923 г., выслушав доклад ректора Ярославско-

го университета В.В. Потемкина, приняла решение: «Считать нецелесообразным закрытие Ярославского университета после того, как на его оборудование были израсходованы огромные средства»³³.

19 февраля 1924 г. на заседании коллегии Наркомздрава РСФСР вопрос о сети медицинских вузов докладывал заместитель наркома здравоохранения З.П. Соловьев. Ситуация с содержанием медицинских факультетов становилась настолько серьезной, что в планах на закрытие оказались Государственный институт медицинских знаний (ГИМЗ), Кубанский и Омский медицинские институты, медицинские факультеты Петроградского, Ярославского, Нижегородского, Самарского, Астраханского, Екатеринбургского, Пермского, Иркутского, Крымского и Смоленского университетов. Реальная перспектива оказаться за дверями вузов нависала над 9 873 студентами-медиками³⁴.

Последнее слово оставалось за коллегией Наркомпроса. На ее заседании 29 апреля 1924 г. состоялось окончательное обсуждение вопроса о дальнейшей судьбе медицинских факультетов Астраханского, Крымского, Нижегородского, Смоленского, Ярославского, Уральского медицинских факультетов, Омского, Кубанского и Ленинградских медицинских институтов. Этому предшествовал подробный анализ учебной деятельности этих вузов, их материальной базы, состава студентов, обеспеченности преподавательскими кадрами³⁵. Решение закрыть медицинские факультеты Крымского, Нижегородского, Самарского, Уральского и Ярославского университетов было принято³⁶.

К этому времени на факультете работали 15 профессоров, 46 преподавателей, 26 научных сотрудников. Обучалось около 1 тыс. студентов (1-й курс – 296, 2-й курс – 228, 3-й курс – 186; 4-й курс – 171, 5-й курс – 89). В конце весеннего семестра в соответствии с декретом СНК РСФСР от 16 мая 1924 г. «О сокращении наличного количества учащихся в высших учебных заведениях РСФСР» во всех вузах прошла проверка академической успеваемости студентов. На медицинском факультете Ярославского университета работала комиссия, которая знакомилась с личными делами студентов, с каждым проводила собеседование. Из-за «политической неграмотности» и академической неуспеваемости были отчислены 19,3 % студентов. 5-й курс был сохранен в полном составе³⁷.

Два года неопределенности, слухов и ожидания дальнейшей судьбы мешали нормальному учебному процессу, постоянно внося в него излишнюю нервозность. Несмотря на крайне напряженную обстановку и многочисленные трудности, связанные со скорым закрытием университета, удалось полностью выполнить учебный план и провести государственные экзамены. В 1924 г. студенты-медики сдавали 14 выпускных экзаменов: по общей хирургии, патологической анатомии, гигиене с эпидемиологией и эпизоотией, социальной гигиене, судебной медицине, терапевтической клинике, хирургической клинике, акушерству, гинекологии, глазным болезням,

кожным и венерическим болезням, нервным болезням, психиатрии, детским болезням. К экзаменам были допущены 88 студентов. Все они 15 сентября получили звание лекаря. Факультет окончили 17% из тех, что пришли на 1-й курс в 1919 г. 693 студента 1–4 курсов были переведены в другие медицинские вузы.

Пять лет деятельности медицинского факультета Ярославского университета, постоянно преодолевавшего всевозможные трудности и доказывавшего право на существование, не прошли бесследно. Большинство его выпускников пришли работать в лечебные учреждения Ярославской губернии. Некоторые преподаватели и студенты через 20 лет стали сотрудниками Ярославского медицинского института, открытого в годы Великой Отечественной войны. Их стараниями началась вторая жизнь высшей медицинской школы в Ярославле.

Примечания

¹ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

² ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 18. Д. 150. Л. 8.

³ Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918-1919 гг. Ярославль, 1920. С. 342.

⁴ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 26. Л. 3–6, 7–9, 18.

⁵ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 22. Л. 118.

⁶ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 19. Л. 18.

⁷ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 22. Л. 125.

⁸ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 23. Л. 11 об.

⁹ *Зубов О.И.* Медицина как наука, как творчество и как дело милосердия // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль, 1923. С. 56–57.

¹⁰ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

¹¹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 18. Д. 150. Л. 76–77.

¹² ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

¹³ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 156. Л. 75 об.

¹⁴ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 147. Л. 41–42.

¹⁵ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 155. Л. 40.

¹⁶ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 147. Л. 26.

¹⁷ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 51. Л. 34.

¹⁸ ГАЯО. Ф. Р-3398. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 4.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 18. Д. 225. Л. 24 об.

²⁰ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 23. Л. 45.

²¹ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 154. Л. 49.

²² *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatus: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 373.

²³ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 179. Л. 11.

²⁴ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 156. Л. 115, 159.

²⁵ ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 7. Д. 78. Л. 153.

²⁶ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 147. Л. 38.

²⁷ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 156. Л. 47, 51.

²⁸ Там же. Л. 165.

²⁹ Бюллетень Народного Комиссариата здравоохранения РСФСР. 1924. № 2-3. С. 2.

³⁰ Бюллетень Народного Комиссариата здравоохранения НКЗ РСФСР. 1924. № 8-9. С. 4.

³¹ ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 7. Д. 72. Л. 16.

³² ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 7. Д. 78. Л. 305.

³³ ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 180. Л. 3.

³⁴ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 14. Д. 101. Л. 17.

³⁵ ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 7. Д. 157. Л. 418.

³⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1924. № 68. Ст. 680.

³⁷ Научная библиотека Ярославской государственной медицинской академии. *Тихонович А.В.* К истории высшего медицинского образования. Ярославль, 1956. Рукопись. С. 45–46.

М.В. Холина

ЛОМКА БОЛЬШЕВИКАМИ РПЦ И ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1920 – 1930-е гг.)

До 1917 г. города Енисейской губернии (ныне Красноярского края) Ачинск, Енисейск, Канск, Красноярск, Минусинск были многоконфессиональны: в них проживали старообрядцы, католики, лютеране, иудеи, мусульмане. Большинство жителей (более 90 %) были православными. В 1916 г. в Енисейской губернии действовало 310 православных приходов¹.

Сразу после захвата власти большевики приступили к ломке религиозной жизни и ее традиций. Так, уездные подотделы записей актов гражданского состояния разъясняли населению: «Только гражданский (советский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния (ЗАГС), порождает права и обязанности супругов. Брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, не порождает никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших, если он не зарегистрирован установленным порядком»².

В 1920 г. по Енисейской губернии прокатилась первая волна официального изъятия церковных ценностей. Созданная в марте 1920 г. Енисейская губернская комиссия по делам музеев и охране памятников искусства и старины работала во всех уездных городах. Перед экспертами была поставлена задача изъятия любых предметов из любого «помещения культа». Опасаясь «угайки», она не стала дожидаться предоставления описей со стороны «служителей культа». Главная газета губернии – «Красноярский рабочий» – в рубрике «Государство и церковь» сообщала, что «верующие

и служители культа с большой охотой удовлетворяли требования комиссии³. Однако спустя неделю она же сообщала иное: «Деятельность комиссии неизбежно вызвала массу толков и слухов среди населения, но благодаря проявляемому такту не сопровождалась эксцессами. Только один раз «отец благочинный» отказался показать экспертам «свой» храм. Этот служитель культа предан народному суду»⁴.

К началу 1921 г. участились обвинения священнослужителей в подготовке и проведении контрреволюционных вооруженных выступлений⁵. Население нередко выступало против подобных действий местных органов власти. Жители противились изъятию из церкви метрических книг, составлению описей церковного имущества, отказывались отдавать ключи от церковных зданий, возмущались отсутствием в школах икон и уроков Закона Божьего, запрещали детям посещать такие школы⁶. При этом большая часть приходов продолжала действовать. Так, в Ачинском уезде на 20 июля 1922 г. действовали 51 церковь и 51 приход (всего на 13 меньше, чем было в 1916 г.)⁷.

Начало массовому изъятию церковных ценностей было положено декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». Уже 12 марта 1922 г. комиссия по изъятию церковных ценностей в Енисейской губернии приступила к работе. Фактическое изъятие по специальным спискам было намечено на «послепасхальную» неделю⁸. Весь апрель шла подготовительная работа: население «обрабатывалось» путем красноармейских митингов, профсоюзной агитационной работы и даже вооруженной демонстрации воинских частей в Красноярске. В губернском центре это дало нужный результат: рабочие и красноармейцы в большинстве своем поддерживали предстоящую кампанию по изъятию. Однако в Минусинске и Енисейске даже коммунисты, не говоря уже об остальном населении, высказывались против изъятия. Воинские части, стоявшие в Канске, отказались участвовать в изъятии.

Кампания по изъятию церковных ценностей, как и было запланировано, началась 28 апреля. В Красноярске изъятие завершилось к 8 мая, а в уездах оно затянулось до начала августа. Задержку власти объясняли масштабами территории губернии и осторожностью местных органов власти. Экспроприация ценностей прошла по уездным центрам без особых эксцессов, серьезных столкновений верующих с властью не происходило. Верующие ограничивались самоустранением. Только в Минусинске, в мае, прихожане Спасского собора, заслушав требования комиссии по изъятию церковных ценностей, постановили: «Устранить себя от изъятия дорогих нам святых предметов храма, полагая, что это дело тех, кто считает себя правомочным изъять эти ценности»⁹. Толпа верующих собралась у здания исполкома, требуя прекратить изъятие. Разошлась она только после того, как власти пригрозили применить вооруженную силу¹⁰. Чтобы пресечь попытки сопротивления, в городе было введено военное положение. За противодействие изъятию был арестован протоиерей Сейбук¹¹.

Одновременно началось наступление на религиозные праздники, которые население продолжало широко отмечать. Так, в мае 1921 г. в Енисейске, когда Первомайские праздники совпали с Пасхой, все население пошло не на демонстрацию, а на церковную службу¹². В Канске 26 мая 1923 г. на Георгиев день православный праздник отмечали все – вплоть до членов исполкома и волисполкомов¹³.

Власти стали насаждать новые, советские, праздники, сопровождавшиеся уличными демонстрациями со знаменами и транспарантами, пением революционных песен. Именно такие праздники, считали большевики, оторвут массы от религиозных традиций, очистят головы от «церковного дурмана».

При организации праздников особое внимание уделялось школе. В канун школьных предновогодних (рождественских) каникул (20 декабря – 5 января) все уездные Отделы народного образования (ОНО) получали указания о необходимости проведения бесед «во всех вверенных учреждениях»¹⁴. По предписанию СибОНО антирелигиозные праздники вменялись школам как обязательная работа. При этом рекомендовался «тактичный подход, без резких и грубых выпадов», а «литературные утра и вечера» следовало «устраивать в те часы, когда совершались церковные обряды»¹⁵.

10 декабря 1923 г. Сибревком и СибОНО выступили с обращением: «Дорогие товарищи! Приближается время рождественских каникул – время, когда наиболее ярко обрисовываются характерные отличия двух миров: старого и нового. Старый отживший мир пойдет в церковь к священнику или будет на дому совершать религиозные обряды. Суеверие, так тесно связанное в народной среде с религией, поднимает свою голову. Дети во время праздников, предоставленные сами себе, будут в среде родителей питаться тлетворным духом религиозных предрассудков и суеверий. Незанятые ничем, дети пойдут со старой мамкой и в церковь, и на могилку. И она будет нашептывать о грозном Боге, о хитром и коварном дьяволе, о злой ведьме и любящем Христе. Религиозные предрассудки и суеверия вновь будут отвоевывать себе место в жизни, и, что печально, место они найдут в нежной и доверчивой детской душе. Новое поколение будет подвержено порче. Не получится того доброго и смелого человека, который бы на мир смотрел ясными глазами»¹⁶.

Обращение достигло цели: во всех уездных городах была успешно проведена «противорождественская антирелигиозная кампания». Ее влияние особенно заметно было там, «где сильно комсомольское и пионерское движение»¹⁷. Как в 1923 г., так и во все последующие годы, «противорождественская кампания» была одной из главных в атеистической работе советского государства.

С 1923 г. началось организованное глумление над религиозными чувствами верующих: проводились хулиганские уличные карнавалы, комсомольцы вторгались в храмы во время пасхальных и рождественских бого-

служений. О случившемся в Енисейске в мае 1923 г. М.П. Миндаровский, бывший гласный Красноярской городской думы, записал в своем дневнике (вел его с 1919 по 1936 гг.): «В Первомайские празднества наглая насмешка над народною совестью устроена была над могилою чтимого простым народом старца Даниила. Могила была разрыта, кости разбросаны на земле и сфотографированы, а череп передан в музей. При ликвидации женского монастыря снесена была и каменная часовня над прахом этого старца»¹⁸. Случаи вандализма по отношению к церковным святыням, комсомольского хулиганства в приходах стали повсеместным явлением.

Большевики хорошо понимали: недостаточно «дать право» обходиться без религии – необходимо либо заставить, либо убедить стать атеистами. «Средствами убеждения» обладали учреждения культпросвета. Губполитпросвет в 1925 г. «спустил» в подведомственные организации «План проведения антипасхальной кампании в клубах, красных уголках и избах-читальнях», где давались рекомендации о проведении в ночь перед Пасхой антирелигиозного вечера. Начаться этот вечер должен был обязательно с доклада. Например, с такого: «Как марксисты объясняют происхождение религии». Введением же к докладу могла служить инсценировка по следующему сценарию: «В зале темно. На сцене полумрак. Торжественное молчание. Раздается колокольный звон. Появляются люди, идущие в церковь: нэпач, поп, старухи и вообще антисоветский элемент. Поют «Христос Воскрес». Над ними появляется плакат: «Вера нужна буржуям и попам». Появляется группа рабочих с плакатом: «Они празднуют пасху по церковному, мы по-советски». Из публики выходит комсомолец с толстой книгой и говорит: «Долой эти сказки, опровергнутые наукой». Вызывает из публики докладчика, который делает доклад»¹⁹.

С конца 1923 г. на основе религиозных обрядов, в противовес им создавалась и насаждалась «коммунистическая обрядность»: крестины по-советски, «красные» пасхи, «красные» свадьбы и т.п. Так, в Канске первые «октябрины» – революционные крестины – состоялись в 1924 г. Беспартийные (этот факт особенно подчеркнула губернская газета) родители трех новорожденных пришли в женотдел Канукома и заявили о желании передать детей на общественное воспитание. И к канским отрядам пионеров были приписаны три новых члена: Ким, Владимир и Конгресс²⁰.

Старшее поколение всячески пыталось сохранить религиозные и семейные традиции вопреки желаниям своих детей, уже порвавшим с церковью. В 1922 г. «член РКП(б) тов. Кислицын» из Ачинска написал «Красноярский рабочий»: в то время, как он уехал, его родители «покрестили» его ребенка, ему ничего не сказали, и он узнал об этом от посторонних людей²¹.

Во избежание открытого сопротивления верующих и священнослужителей власть предпринимала превентивные меры. Так, в период движения за обновление РПЦ из Енисейска к лету 1924 г. были высланы все ссыльные священники. Таким способом Енгоррайком РКП(б) обеспечил «зати-

шье тихоновцев». И уже в декабре докладывал в Красноярск: «...Ярко выявленной живоцерковной линии нет. Попы, в целом, среди крестьянства не пользуются сочувствием (были случаи насмешки со стороны беспартийных крестьян, в подавание попу вместо рябчиков давались кукушки и ястребы). Крестьянство в богоискательство не вдается, оно сейчас занято мыслью о налоге, к нему оно относится хорошо, выполнено на 30 %»²².

Известно много случаев смирения, непротivления богоборчеству со стороны священников. Губернская и уездная печать всячески поддерживала «отречения от сана», постоянно печатая сообщения о таких случаях. Бывший священник Л. Орестов, если верить «Красноярскому рабочему», заявил: «Объявляю, что вся моя жизнь протекала в бесполезной и бесплодной работе. Избирая лозунгом второй половины жизни труд и знание, я твердо намерен приложить все силы только на пользу рабоче-крестьянской республике». Разумеется, подобные заявления, растиражированные печатью, сами по себе являлись сильным приемом антирелигиозной пропаганды. Вот еще одно «признание», в котором вряд ли возможно отделить подлинные слова бывшего псаломщика от «художественного домысла» журналиста: «Я, бывший служитель религиозного культа псаломщик А.М. Секирин, ныне с себя сан псаломщика слагаю. Больше служить не буду, хорошо зная всю наглость и подлость служителей “веры православной”»²³.

Вынужденное приспособление православных священников к большевистскому режиму – история сложная и полная драматизма. И власти, используя это в интересах антирелигиозной пропаганды, вряд ли верили в их искренность. Показателен пример, приведенный в дневнике Миндаровского: «Канский обновленческий архиерей Николай Мешалкин, стряпавший попов, как блины на масленице, а затем неожиданно снявший свои регалии, и печатно, в № 112 «Красноярского рабочего» за 1924 г., публиковавший свое отречение от сана и от своих убеждений, заявив, что он сознательно обманывал свою паству, и все это, как оказалось потом, проделано было для того, чтобы от советской власти получить мандат на антирелигиозную пропаганду»²⁴.

Все 1920-е гг. газеты сообщали об отречениях православных священников от сана. Так, в 1929 г. «Ачинский крестьянин» привел заявление бывшего священника И. Широких: «Церковь распространяет ложь, поддерживает религиозные предрассудки и обман... Я отказываюсь от религиозных убеждений и самой профессии священника, чтобы остальное время с пользой прожить для советской республики»²⁵. С подобным заявлением выступил и бывший псаломщик К. Баранчиков²⁶. Эти «отречения» были вызваны тем, что к концу 1920-х гг. борьба большевистской власти с религией приобрела более агрессивный характер. Саму деятельность РПЦ власти стали расценивать как «вражескую» и «контрреволюционную».

Страницы местных газет использовались для антирелигиозной пропаганды в полном объеме. Советская поэзия, не отягощенная особыми

словесными изысками, грубо клеймила и высмеивала служителей церкви. Статьи, сопровождаемые ярко агрессивными карикатурами, призывали к отречению от старого быта, к которому наряду с водкой, мещанством и безграмотностью, относили и религию²⁷. Сами за себя говорили и хлесткие заголовки. Яркий пример – минусинская «Власть труда»: «Попы на службе у капиталистов», «Может ли воскреснуть покойник», «Мы – безбожники» (письмо детей), «Сказка о Христе», «Старый быт – большая помеха в строительстве социализма». Все статьи объединял лозунг «Долой пасху! Да здравствует 1 Мая!»²⁸. В следующем номере, когда Пасха уже прошла, газета поменяла лозунг на более выразительный: «Долой пьяную обжорную пасху! Да здравствует праздник первой борозды!»²⁹.

Дни Пасхи год от года объявлялись учебными или рабочими. Так, школьников Минусинска 5 мая 1928 г. местная газета «Власть труда» призывала выйти на борьбу с сусликами, пообещав прибавить один день к очередным каникулам³⁰.

Атака на православие и РПЦ давала желаемые результаты. В 1924 г. прошла очередная кампания по изъятию ценностей. К этому времени все церковные и монастырские артели были уже ликвидированы, договоры расторгнуты под тем предлогом, что верующие не соблюдали требований по содержанию бывшего церковного и монастырского имущества, описанного еще в 1920 г. Жители городов стали удалять из своих квартир и комнат иконостасы. В ходе переписи населения в 1926 г. отмечалось, что в рабочих жилищах все реже можно встретить иконы в переднем углу. Их все чаще заменяли портретами большевистских вождей: сначала Ленина, позднее – Сталина³¹. С 1927 г. местные власти стали заставлять убирать иконы из «красного угла» жилищ³².

Однако несмотря на все усилия властей и советской пропагандистской машины, приверженность немалой части населения к вере, сила религиозных традиций далеко не были сломлены.

Все монастыри, расположенные на территории губернии, а также часть храмов были закрыты еще в 1920 г. Но в храмах уездных городов продолжались богослужения. В Енисейске – в Богоявленском соборе, Кресто-Воздвиженской кладбищенской, Успенской, Троицкой, Преображенской, Воскресенской, Входа-Иерусалимской кладбищенской и Спасской церквях. Храмы были наполнены народом, ходила молодежь и даже красноармейцы³³. В июне 1924 г. в Преображенской церкви была отслужена литургия Архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким).

Соблюдение православных обрядов в середине 1920-х гг. было массовым явлением, особенно в сельских приходах. В информационных отчетах партийных укомов отмечалось, например, что «свадьба без священника – редкий случай»³⁴. В 1925 г. в губернии состоялся крестный ход, совершенный в Фомино воскресенье из Красноярска для встречи чудотворных икон Святой Троицы и Знамени Божией Матери из с. Арейского. В нем уча-

ствовали тысячи городских и сельских жителей. Икона Святой Троицы за два месяца побывала в нескольких районах губернии³⁵.

Сводки ОГПУ свидетельствуют: проведенное Минусинским окружкомом партии в 1927 г. анкетное обследование деревенских партячеек округа показало, что почти из полутора тысяч человек 167 коммунистов имели у себя дома иконы (более 10 %). Одна икона нашлась даже в ачинской школе ликбеза в 1929 г.³⁶

Даже в 1930 г. газетные лозунги наставляли население: «Пасха – праздник дикости и рабства»³⁷.

Все 1920-е гг. происходило «расслоение» семей по отношению к религии: молодое поколение решительно рвало с РПЦ и церковной обрядностью, старшему же поколению трудно было расстаться с прежними воззрениями и привычками. Б.И. Болотов, семья которого в 1920-х гг. проживала в Енисейске, вспоминает: «У отца, работающего начальником телефонной станции, до 1925 г., когда еще детей не было, была привычка на Пасху ходить на колокольню и звонить в колокола. Он знал все колокола, и какой где колокол, и сколько пудов каждый. Церковь родители посещали, но не часто. В основном, ходили в собор и в Успенский храм. До 1928 г. храмы действовали. Мать рассказывала, что к каждому храму была прикреплена определенная паства. Родители относились к Богоявленскому собору. На каждую Пасху во время пасхальной недели священник собора ездил с коробом и собирал. Его надо было напоить, накормить и с собой дать крашенных яиц и пр. Он напьется и едет. Набирал по полному коробу»³⁸. То есть до начала 1930-х гг. сохранилась традиция праздничного хождения духовенства («со славой») по домам верующих.

События 1928 г. отмечены в памяти уже самого Болотова: запрещение колокольного звона и снятие колоколов. Изъятие колоколов имело место и в первой половине 1920-х гг., но тогда это были единичные случаи. Болотов вспоминает: «В 1928 г. сбрасывали колокола. Сначала колокола сбрасывали, а потом на земле кувалдой их ломали. Маленькие не ломались. А потом делали так: сначала сбрасывали мелкие, в кучу их стаскивали против большого. Затем большой падал, разбивая мелкие. Потом весь металл на баржи грузили и куда-то увозили. Все уничтожили. В городе было 12 церквей. На каждой были колокола...». Уже позднее воспоминания детства были дополнены рассказом отца о том, что бутовый камень, применявшийся при строительстве храмов, использовали в качестве фундамента для домов, а затем уже делали кирпичную кладку. При этом жителям города предлагали: «Вот – стена, вот – церковь. Что сломаете – ваше»³⁹.

«Антиколокольная кампания» достигла своего апогея после принятия 16 декабря 1929 г. Президиумом ВЦИК постановления «Об урегулировании колокольного звона в церквях», фактически его запрещающего. Его текст, подготовленный антирелигиозной комиссией во главе с М. Ярославским, был категоричен: «Колокольный звон, производимый на всю дан-

ную округу церковниками, резко противоречит принципу отделения церкви от государства, ибо воздействует на бытовые условия и права широких безрелигиозных масс трудящихся, мешает труду и использованию трудящимся его отдыха... Запретить совершенно так называемый трезвон во все колокола»⁴⁰.

Едва ли не главным полем битвы большевиков с православием все 1920-е гг. оставалась школа. Миндаровский отмечал с горькой иронией: «Учение отошло на второй план, и теперь удивительно встретить взрослого школяра, с усилием читающего печатную книгу, зато вздумалось правительству объявить войну религии. Сейчас выпускают перед каким-нибудь собранием 10-летнего пузыря и он возглашает, что ему мешает звон церковных колоколов, что они – пионеры – просят своих родителей снять колокола и тем самым дать им, таким серьезным людям, спокойно насаждать свои мозги ленинизмом и наслаждаться игрою в советский парламент»⁴¹.

В конце 1920-х гг. поднялась новая волна антирелигиозных гонений. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. предписывало ограничивать деятельность религиозных общин совершением богослужений. Урезались права общин, им было запрещено пользоваться услугами государственных предприятий при ремонте храмов. Началось массовое закрытие церквей. Созданный в 1925 г. Союз воинствующих безбожников объявил в 1932 г. о начале «безбожной пятилетки»: к концу 2-й пятилетки «религия на территории СССР должна быть полностью искоренена»⁴².

В условиях беспрецедентной борьбы власти с религией возникали новые формы сопротивления. Не имея возможности открыто противодействовать силе государства, верующие прибегали к «народным изобретениям». Пример тому – «Божьи письма» или «Письма святых», которые распространялись среди населения. Написанные от руки, они призывали «не бросать Веру Христову», «не ругать Святых», блюсти посты, «посещать Божий Храм» и т.д. В конце письма делалась приписка: «Всяк, у кого будет это письмо, должен переписать его в 9 экземплярах и раздать другим»⁴³. Подобные действия совершались и служителями церкви. Так, священник Ушаков в 1929 г. в Ачинске организовал группу по обучению Закону Божьему. Записалось несколько десятков человек, среди которых было много молодежи. И только вмешательство властей остановило работу этой группы⁴⁴.

Судьба церквей решалась быстро, без особого разбирательства причин и оснований. В одностороннем порядке расторгались договоры с религиозными общинами. И если в начале 1920-х гг. «расторгать договоры с группами верующих в случае обнаружения употребления и растраты имущества, полученного группой верующих по договору»⁴⁵ было возможным в редких случаях, поскольку общины не нарушали этих требований и всячески отстаивали свои приходы, то в начале 1930-х гг. требования ужесточились. Так, 26 января 1930 г. Канский Окрисполком вынес постановле-

ние о расторжении договора с общиной Спасского собора⁴⁶. Причинами закрытия были названы невыполнение требуемого ремонта собора, невнесение платы за земельную регистрацию и «требования трудящихся масс к изъятию собора от верующих и передаче его под культурные нужды». Все эти претензии верующие, неукоснительно соблюдающие закон, отвергли как необоснованные. Однако события разворачивались стремительно. Утром 27 января собор был оцеплен вооруженными призывниками, и без какого бы то ни было объявления или предупреждения общины или церковного совета четыре колокола с собора были сброшены и увезены, два креста сняты и на их место водружено два красных знамени, а храм опечатан. Позднее собор был открыт для богослужения, но колокола продолжили сниматься. На просьбу верующих из 8-ми колоколов оставить колокола в 35 пудов был оставлен один 2-пудовый колокол. В этот день были изъятые семь из восьми колоколов общим весом 10 821,366 кг и были переданы «в ведение Канского ОкрФО для учета в Госфонды»⁴⁷. Отстоять же сам храм верующим удалось лишь на восемь лет. В декабре 1937 г. верующие, доведенные до отчаяния экономическим давлением местных властей, приняли решение об отказе от собора. Крайисполком, на основании ходатайства Канского райисполкома, принял решение расторгнуть с общиной верующих договор, соборную церковь закрыть и передать под аэроклуб⁴⁸.

В январе 1930 г., почти одновременно с закрытием Спасского собора в Канске, ВЦИК утвердил решение Сибкрайисполкома о закрытии Вознесенской церкви в Минусинске. Жалоба верующих на неправомерные действия была отклонена. В помещениях закрытой церкви были устроены школа-семилетка и клуб для массовой работы⁴⁹.

О варварском отношении к православным храмам свидетельствует Миндаровский, ставший очевидцем их разгрома в Енисейске. Одной из первых стала Абалаковская церковь: ее закрыли в октябре 1930 г. и обратили на «общественно-культурные цели» с распределением ее имущества между музеем, горсоветом и районным финотделом. От закрытия до сноса прошло немного времени. Уже 2 августа 1934 г. культовая комиссия при енисейском райисполкоме постановила снести кладбищенскую церковь, а ее останки использовать как стройматериал⁵⁰. За два года до разрушения Абалаковского комплекса, в 1932 г., были разрушены и другие храмы. «Енисейская правда» рапортовала в ноябре 1934 г.: «Там, где церковники одурачивали верующих, теперь работает социалистическое предприятие... Все здание бывшего храма религиозного дурмана перестроено в здание механической мастерской социалистического труда... куда переходят слесарные бригады для ремонта судов»⁵¹.

В период массового закрытия церквей верующие теряли возможность, как прежде, посещать храм ежедневно. Это меняло ритм повседневности воцерковленных людей. Церковная жизнь для многих постепенно приобрела фрагментарный характер. Судя по всему, после фактического разру-

шения приходской сети городов, доступными для прихожан оставались лишь воскресные и праздничные богослужения. Уходили в прошлое и крестные ходы, веками являвшиеся необходимым элементом большинства церковных праздников. В Енисейске последний крестный ход был совершен в 1933 г., когда на празднике Крещения Господня со всех четырех еще действующих церквей крестным ходом ходили, как и прежде, на Енисей (на Йордань), на освящение воды. Крестный ход сопровождался перезвоном чудом сохранившихся колоколов⁵².

До 1936 г., когда уже были закрыты и разрушены почти все храмовые постройки городов Красноярского края, удалось практически полностью подчинить властям и клир еще действующих храмов. В 1936 г., за неделю до Пасхи, власти Енисейска посадили в «домзак» все духовенство трех церквей, где еще проводились службы, временами собиравшие массы верующих. В течение восьми месяцев четыре священника дожидались суда. Миндаровский записал в дневнике: «Религиозная совесть населения, подавленная произволом диктатуры, молчаливо переносит все творимые над нею глумления и безобразия, рождая и хороня своих родных, по выражению народного поэта, “без церковного пения, без ладана, без того, чем могила крепка”»⁵³.

К концу 1930-х гг. в городах Красноярского края действующих приходов практически не осталось. В храмах разместились гаражи, цеха заводов, клубы, котельные. Священнослужители в редких случаях тайком совершали обряды крещения и отпевания. Протестов и возмущений жителей уже не случалось. Более того, молодое поколение, воспитанное в антирелигиозном духе, нашло веру в другом – в победах социалистического строительства, празднествах революционных годовщин, массовости народных демонстраций, красоте украшенных красными полотнищами зданий и улиц городов, гимнах советской эпохи.

Примечания

¹ Доброновская А.П. Вера и традиции благочестия у православного населения Енисейской губернии в первой трети XX в. // Енисейской губернии – 180 лет. Красноярск, 2003. С. 94.

² Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. п-7. Оп.1. Д. 367. Л. 39.

³ Красноярский рабочий. 1920. 24 июля.

⁴ Красноярский рабочий. 1920. 1 авг.

⁵ АААКК. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 8; Д. 170. Л. 7; Д. 215. Л. 5об; Д. 290. Л. 2; Ф. п-42. Оп. 8. Д. 199. Л. 31.

⁶ АААКК. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 51; Д. 50. Л. 16, 19, 47 об, 158.

⁷ Архивный отдел администрации г. Ачинска (АОАА). Ф. п-16. Оп. 1. Д. 253. Л.8.

⁸ АААКК.Ф. п-1 Оп. 1. Д. 288. Л. 1, 2.

⁹ Красноярский рабочий. 1922. 9 мая.

¹⁰ АААКК. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 9, 9 об.

¹¹ Красноярский рабочий. 1922. 11 июля.

¹² АААКК. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 170. Л. 27.

¹³ АААКК. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 100.

¹⁴ Там же. Ф. р-93. Оп.1. Д. 198. Л. 136.

¹⁵ Там же. Л. 150.

¹⁶ Там же. Л. 148-149.

¹⁷ АААКК. Ф. р-93. Оп.1. Д. 172. Л. 37.

¹⁸ Енисейский краеведческий музей (ЕКМ). Рукописный фонд. Миндаровский М.П.

Записки и воспоминания 1919–1935 гг. С. 17.

¹⁹ АААКК. Ф. р-93. Оп. 1. Д. 338. Л. 35.

²⁰ Красноярский рабочий. 1924. 13 авг.

²¹ Красноярский рабочий. 1922. 15 июля.

²² АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 318. Л. 15.

²³ Красноярский рабочий. 1924. 20 нояб.

²⁴ ЕКМ. Миндаровский М.П. Указ. соч. С. 21; Красноярский рабочий. 1924.

16 мая.

²⁵ Ачинский крестьянин. 1929. 17 янв.

²⁶ Ачинский крестьянин. 1929. 21 февр.

²⁷ АААКК. Ф. р-1205. Оп. 1. Д. 28. Л. 75 об.

²⁸ Власть труда (Минусинск). 1929. 1 мая.

²⁹ Власть труда. 1929. 5 мая.

³⁰ Власть труда. 1928. 27 апр.

³¹ Исаев В.И. Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг. Новосибирск, 1988. С. 202.

³² Советская Сибирь (Красноярск). 1927. 8 янв.

³³ Фаст Г. Енисейск православный. Красноярск, 1994. С. 81.

³⁴ АОАА. Ф. р-4. Оп. 1. Д. 292. Л. 1-5; АААКК. Ф. п-7. Оп. 1. Д. 951. Л. 25.

³⁵ Доброновская А.П. Указ. соч. С. 93.

³⁶ Ачинский крестьянин. 1929. 7 апр.

³⁷ Власть труда. 1930. 15 апр.

³⁸ Архив автора (аудиозапись). Воспоминания Б.И. Болотова. Аудиозапись.

³⁹ Там же.

⁴⁰ История религии. В 2 т. Т. 2. М., 2002. С. 243.

⁴¹ ЕКМ. Миндаровский М.П. Указ. соч. С.16.

⁴² Алексеев В. «Штурм небес» отменяется? М., 1992. С. 128.

⁴³ Ачинский крестьянин. 1929. 14 апр.

⁴⁴ Ачинский крестьянин. 1929. 9 янв.

⁴⁵ Канский городской архив (КГА). Ф. р-70. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

⁴⁶ Смутин С. Спасский собор Канска в эпоху Сталина и Хрущева // Канск:

Страницы истории. Красноярск, 2006. С. 68.

⁴⁷ КГА. Ф. р-14. Оп. 1. Д. 42. Л. 19, 40.

⁴⁸ КГА. Ф. р-14. Оп. 1. Д. 64. Л. 2, 10.

⁴⁹ Власть труда. 1930. 4 янв.

⁵⁰ ЕКМ. Миндаровский М.П. Указ. соч. С. 86.

⁵¹ Енисейская правда (Красноярск). 1934. 15 нояб.

⁵² Фаст Г. Указ. соч. С. 89.

⁵³ ЕКМ. Рукописный фонд. Миндаровский М.П. Мои заметки и наблюдения 1936 г. С. 2.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАНАДЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

На современном этапе для России приобретает особую актуальность использование положительного опыта развития других стран мира, а также извлечение уроков из их ошибок и просчетов. Одной из них является Канада, у которой с Россией много общего не только в плане природно-географических условий, размеров территорий, но и в особенностях федеративного государственного устройства, влияния интеграционных процессов на внутривнутриполитическую жизнь страны. Кроме того, существование в политической структуре современной России объединений, ориентирующихся на идеологию консерватизма и либерализма, требует изучения деятельности партий других стран, стратегия и тактика которых основана на идеях свободного предпринимательства и минимизации экономической и социальной роли государства при сохранении его ведущей активности в правоохранительной и ряде других сфер. Таковыми являются политические партии государств Европы и Северной Америки, в том числе Канады.

Следует сразу же заметить, что со второй половины XIX в. роль партий в политической системе Канады чрезвычайно возросла, что в решающей степени объяснялось как историческими особенностями формирования самой федерации, так и тенденциями ее развития. Являясь неотъемлемой составной частью политической системы страны, канадские партии, конкурируя между собой в борьбе за государственную власть, применяли различные мирные средства и методы.

При этом некоторые из них, под влиянием обстоятельств и, прежде всего, получая все большую поддержку избирателей, значительно росли численно, укреплялись организационно. Другие, не получая достаточной поддержки избирателей, вынуждены были существенно модернизировать свою структуру, менять основные лозунги и даже название. А часть из них вообще прекращала свою политическую деятельность.

Для второй половины XX в. ведущей была тенденция к формированию в Канаде двухпартийной системы, когда одна партия находится у власти, а другая – в оппозиции к ней.

Сегодня в Канаде на федеральном уровне функционируют Консервативная, Либеральная, Новая демократическая партии и Квебекский блок. Помимо них, существуют еще Канадская партия действия, Марксистско-ленинская партия Канады, Партия зеленых и некоторые другие. Однако они не в состоянии вести эффективную борьбу за государственную власть, так как не пользуются массовой поддержкой электората, а некоторые даже не зарегистрированы в качестве политических партий¹.

* Статья подготовлена при финансовом содействии гранта президента РФ на поддержку молодых российских ученых и ведущих научных школ (НШ-4405.2008.6).

С 1867 г. по настоящее время у власти находятся, сменяя друг друга, две старейшие общенациональные партии – Консервативная и Либеральная. Установление в стране по существу двухпартийной системы стало возможным вследствие влияния политических традиций Великобритании и США.

Фундамент Консервативной партии был заложен сближением во второй половине XIX в. политических интересов земельной аристократии, купеческой олигархии, верхушки духовенства. Как отмечают российские исследователи С.Ю. Данилов и В.Е. Шило, политическими установками консерваторов во второй половине XIX в. было расширение автономии Канады в рамках Британской империи при упрочении экономических связей с метрополией, содействие развитию промышленности, а также территориальное освоение страны на северо-западе. Оформление партии обычно относят к 1854 г., когда было создано первое консервативное правительство провинции Канада.

Превращение партии канадских либералов в одну из двух главных партий, в свою очередь, завершилось к 1870-м гг.

Консерваторы занимали приоритетное положение в стране до начала XX в. Их политика способствовала приливу британского капитала, интенсивному железнодорожному строительству, что отвечало интересам Канады, которая во второй половине XIX в. нуждалась в создании самостоятельной индустриальной базы².

Но с 1920-х гг. положение партии парламентского большинства перешло к либералам. Новое перераспределение власти было связано с тем, что и либералы, и консерваторы по-разному отреагировали на социальные и революционные потрясения в мире в начале XX в. Либеральная партия, правильно оценив ситуацию, сумела вовлечь в орбиту своего влияния большую часть избирателей³.

Напротив, консерваторы превратились в партию перманентной оппозиции, призываемую к власти в периоды социально-экономической нестабильности и отстраняемую от руководства страной, как правило, в связи с улучшением существующей обстановки⁴. В то же время, находясь на вторых ролях, основные конкуренты либералов интенсивно искали пути обновления своего политического имиджа. Заимствуя опыт западноевропейских партий, они в течение 1960–1970-х гг. провели модернизацию своей организационной структуры, ввели фиксированное членство, предприняли действенные меры по расширению имеющейся социальной и региональной базы. Консерваторы стремились убедить избирателей в своей надежности, политической грамотности, четкой приверженности выдвигаемым программным установкам.

Показательна программа прогрессивных консерваторов накануне всеобщих выборов 1984 г.

Еще в 1983 г. была опубликована детальная программа лидера ПКП Б. Малруни «На чем я основываюсь», где он изложил свое концептуальное видение государственно-правового строительства канадской федерации, подготовки ПКП к предстоящим всеобщим выборам⁵.

В разделе «Размышления о конституции» он разъяснил свою позицию по конституционным аспектам, а также по вопросам, связанным с реформированием Сената и Верховного суда. В частности, Б. Малруни указал, что основным недостатком предшествующей политики либерального кабинета П. Трюдо явилось неприсоединение Квебека к Акту о Конституции 1982 г. В то же время, не особенно надеясь, что этот вопрос будет разрешен при либералах, будущий лидер ПКП недвусмысленно намекал на то, что в случае победы консерваторов на всеобщих выборах 1984 г. эта проблема перестанет существовать⁶.

Выступая за стабильность и единство Канады, будущий лидер консерваторов в то же время склонялся к серьезным уступкам Квебеку, рассматривая дальнейшее развитие провинции с точки зрения предоставления ей статуса «самобытной общности» в рамках Канады. Такая позиция получила одобрение франкоканадцев, которые, со своей стороны, были готовы поддержать консерваторов на предстоящих всеобщих выборах⁷.

Анализ программы «На чем я основываюсь» позволяет также выделить некоторые ключевые моменты в идейной концепции консерваторов накануне всеобщих выборов 1984 г.

Б. Малруни и его сторонники рассчитывали одержать победу, опираясь на альянс франкоканадцев Квебека, недовольных конституционной политикой П. Трюдо, население западных провинций, выступающее за ускоренные меры по реформированию Сената и Верховного суда, представителей крупного бизнеса с их огромным влиянием и возможностями. Подобная политика маневрирования между различными региональными элитами, их интересами и ожиданиями, по мнению стратегов ПКП, позволила бы одержать победу на предстоящих выборах. Всех остальных (в основном, население провинции Онтарио) консерваторы надеялись переубедить в ходе своей избирательной кампании, апеллируя к естественной усталости электората от более чем двадцатилетнего правления либералов.

Все это позволило консерваторам сформировать правительство парламентского большинства во главе с Б. Малруни в 1984 г.

В ряде научных исследований получила распространение точка зрения о трехпартийной системе на федеральном уровне, просуществовавшей более тридцати лет (1961–1993 гг.) и подразумевавшей активную роль Новой демократической партии в формировании национальной политики⁸. В действительности только ПКП и Либеральная партия в течение XX в. продолжали сохранять контроль над основной массой избирателей. Прецедент всеобщих выборов 1972 г., когда Либеральная партия не смогла сформировать правительство без вынужденного блокирования с Новой демократической партией, является исключением из правил. Несмотря на высокий рейтинг новых демократов в конце 1980-х гг., политический талант и личное обаяние их лидера Э. Бродбента, НДП не удалось выступить в качестве реальной альтернативы консерваторам и либералам. Победа НДП на

провинциальных выборах в отдельных провинциях страны не означала ее прихода к власти в масштабе всей Канады.

Неудачи конституционных инициатив консервативного кабинета Б. Малруни (Мичлейкское и Шарлоттаунское соглашения), длительный экономический спад в начале 1990-х гг. способствовали неизбежному поиску ориентиров для сохранения единой Канады. Сама возникшая ситуация в стране привела к небывалому росту новых политических партий. В частности, Партии Реформ (ПР) и Квебекского блока.

Партия Реформ была создана осенью 1987 г. в провинции Манитоба. Реформисты пользовались поддержкой мелкого и среднего бизнеса запада Канады, недовольного политикой правительства, которое, по их мнению, традиционно отражало экономические и политические ценности Онтарио, игнорируя, таким образом, интересы остальных субъектов федерации.

Идейно-философская концепция реформистов, их глобальное видение будущего страны были отражены как в выступлениях их лидера П. Мэннинга, так и в изданном им сборнике «Новая Канада»⁹.

Первым этапом деятельности Партии Реформ была интенсивная критика Мичлейкского соглашения, что, безусловно, привело к росту ее сторонников среди англоязычного населения Запада. Умело используя негативное отношение жителей ряда провинций к конституционным инициативам Б. Малруни и применяя, в свою очередь, также методы популизма, реформисты сумели добиться поставленной задачи – превращения первоначально разрозненных сторонников в политическую партию¹⁰.

Не менее быстрым и поступательным явился и рост Квебекского блока, который к 1993 г. также представлял собой значительную силу. Как лидером этого политического объединения Л. Бушаром, так и его сторонниками было сформулировано мнение о том, что только суверенный Квебек в составе канадского экономического союза, представляет собой достойную альтернативу настоящему кризису¹¹.

Успех этих партий отразил стойкую тенденцию к углублению и обострению регионализма в масштабе всей Канады, что наглядно было продемонстрировано итогами всеобщих выборов 1993 г. Классической двухпартийной системе, просуществовавшей в стране более 125 лет, был нанесен существенный урон, в результате которого Квебекский блок и реформисты превратились в парламентские партии, находящиеся в центре политического спектра общества. Квебекский блок получил 13,5 % голосов избирателей и 54 места из 75-ти, принадлежавших франкоканадской провинции в федеральном парламенте. Реформистская партия – 19 % голосов и, соответственно, 52 места в Палате общин. Консерваторы, набрав только 16 % голосов избирателей, не только потерпели сокрушительное поражение, но и потеряли статус партии официальной оппозиции, передав его Квебекскому блоку. Число мест ПКП в Палате общин сократилось со 169 до 2-х. Влиятельная ранее партия оказалась не в состоянии сформировать даже соб-

ственную парламентскую фракцию. Впервые за долгие годы будущее ПКП стало в значительной степени неопределенным. Напротив, Либеральная партия восстановила свой прежний авторитет среди избирателей, одержав убедительную победу, получив 41% голосов избирателей и 177 мест в Палате общин¹².

Результаты всеобщих выборов 1997 г. и 2000 г. также продемонстрировали победу Либеральной партии, которая во второй и в третий раз получила большинство голосов избирателей, и увеличила свое представительство в Палате общин со 155 до 177 мест из 301¹³. Неоднократная победа Либеральной партии на всеобщих выборах была связана с мерами правительства Ж. Кретьена по сокращению бюджетного дефицита, ослаблению националистического движения в Квебеке и т.д.

Важным событием внутриполитической жизни Канады на рубеже XX–XXI вв. стало объединение Прогрессивно-консервативной партии Канады и Канадского консервативного альянса реформ в декабре 2003 г. Новая партия получила название Консервативной (КП). Ее лидером в марте 2004 г. был избран С. Харпер, проведший большую идейно-организационную работу по созданию новой общенациональной партии и адаптации ее к изменившимся социально-экономическим и политическим реалиям.

Вследствие этого Консервативная партия одержала победу на парламентских выборах 23 января 2006 г. За нее отдали свои голоса 36,3% избирателей, что обеспечило им 124 из 308 мест в Палате общин, а также позволило сформировать правительство меньшинства. Место официальной оппозиции заняла Либеральная партия, получившая 30,2% голосов и 103 места в Палате общин. На третьем месте оказался Квебекский блок с 51 депутатским мандатом, на четвертом – НДП с 29 мандатами¹⁴.

В деятельности политических партий, борющихся за усиление своего влияния в стране, особое место занимали вопросы внутренней политики. Однако это не значит, что они допускали хотя бы малейшую недооценку внешнеполитических проблем, стоявших перед страной. Политические партии оказывают существенное влияние на формирование внешней политики Канады, прежде всего Либеральная и Консервативная¹⁵.

В канадской внешней политике можно выделить несколько основных направлений. Первое из них – развитие канадо-американских отношений. В 1988 г. было заключено соглашение с США о свободной торговле (ФТА). В 1993 г. консервативным правительством Б. Малруни было заключено Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) между Канадой, США и Мексикой¹⁶.

В области военного сотрудничества Канады с США после Второй мировой войны был также заключен целый ряд двусторонних соглашений¹⁷.

Однако в канадо-американском сотрудничестве существует и ряд проблемных вопросов. К примеру, в настоящее время лидер консерваторов и премьер-министр страны С. Харпер высказал точку зрения, согласно которой Канаде не надо было поддерживать вторжение США в Ирак в 2003 г.¹⁸.

Вторым, не менее важным, направлением внешней политики Канады остается ее сотрудничество и взаимодействие со странами континента. В 1976 г. было заключено Общее соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве с Европейским экономическим сообществом¹⁹. В 1990 г. Канадой с Европейским сообществом была подписана Трансатлантическая декларация об экономическом сотрудничестве²⁰.

Третьим важным направлением внешнеполитической деятельности Канады являются канадо-британские отношения. В двух мировых войнах Канада участвовала на стороне Великобритании. В Первой мировой войне участвовало до 600 тыс. канадцев, которые были задействованы как в тылу врага, так и на многих фронтах²¹. Канадские дивизии храбро сражались в битве на Сомме в 1916 г., в Амьенском сражении 1918 г. и некоторых других, проявляя при этом мужество и дисциплинированность²². Человеческие потери Канады в результате участия в боевых действиях Первой мировой войны составили порядка 80 тыс. погибших и около 200 тыс. раненных и искалеченных²³.

Канадцы активно участвовали и в борьбе против фашизма в период Второй мировой войны. Их вклад в победу антигитлеровской коалиции был весьма значителен. На территории Канады проводились официальные встречи У. Черчилля и Ф. Рузвельта в 1943–1944 гг., на которых обсуждались как итоги побед, так и планы союзников на ближайшую перспективу. Кроме того, канадская авиация активно участвовала в боях против люфтваффе, участвуя в обороне Британских островов в 1940 г.²⁴.

Своевременной оказалась и социально-экономическая помощь Канады своей метрополии, которая нашла свое воплощение в кредитовании Великобритании на сумму свыше 3 млрд. долл., а также в расселении английских детей, эвакуированных из юго-восточных графств Великобритании²⁵.

В годы Второй мировой войны в боевых действиях участвовало свыше миллиона канадцев, из которых 42 тыс. погибли и порядка 200 тыс. были ранены²⁶.

В настоящее время Канада принимает весомое участие в Организации франкоязычных государств (франкофонии), в которую входят 52 государства Азии, Африки и Америки. Эта организация объединяет не только бывшие французские колонии, но и государства с «французским наследием»²⁷.

Современные канадо-российские отношения находятся в состоянии становления. Важными вехами в этом направлении явились официальный визит президента В.В. Путина в Канаду в декабре 2000 г., где обе стороны обменялись опытом федеративного государственного устройства, договорились о регулярных встречах на высшем уровне, обсудили перспективы вступления России в ВТО²⁸. Тенденции российско-канадских отношений обсуждались и во время официального визита Ж. Кретьена в Москву в

июле 2001 г. Важным событием явился и приезд в феврале 2002 г. в Москву руководства провинций Канады и свыше 300 представителей делового мира страны. В свою очередь, в сентябре 2003 г. генерал-губернатор Канады А. Кларксон также посетила Россию с официальным визитом, в ходе которого были проведены переговоры по вопросам двустороннего сотрудничества в Арктической зоне и некоторым другим проблемам.

Итак, вся история политических партий Канады есть история борьбы за политическую власть в стране мирными, конституционными, демократическими средствами и методами. Преобладающей тенденцией развития системы политических партий Канады является тенденция к формированию двухпартийной системы. Обеспечение победы на выборах находится в зависимости от умения лидеров политических партий творчески подходить к разработке политических и экономических программ, а также уровня финансирования избирательных кампаний. Этот опыт политических партий Канады, его плюсы и минусы, могут быть полезными для использования современными политическими партиями России.

Примечания

¹ См.: *Ажаева В.С.* Эволюция партийно-политической системы Канады в 90-х гг. // Канада: взгляд из России. Экономика, культура, политика. М., 2002. С. 67.

² *Данилов С.Ю., Шило В.Е.* Политико-государственный механизм современной Канады: Сравнительно-историческое исследование. М., 1991. С. 37.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же.

⁵ *Mulroney B.* Where I Stand. Toronto, 1983.

⁶ Ibid. P. 26.

⁷ *Levesque R.* The Memoirs. Toronto, 1986.

⁸ См., напр.: *Данилов С.Ю., Шило В.Е.* Указ. соч. С. 36 ; *Шило В.Е.* Практика канадского федерализма: достижения и противоречия // Канада: взгляд из России. С. 102.

⁹ *Manning P.* The New Canada. Toronto, 1990.

¹⁰ *Harrison T.* Of Passionate Intensity: Right-Wing Populism and the Reform Party of Canada. Toronto, 1995.

¹¹ The Canadian General Election of 1993. Ottawa, 1994. P. 79–88.

¹² The Canadian General Election of 1993. P. 161; *Ажаева В.С.* Указ. соч. С. 70; *Шило В.Е.* Указ. соч. С.102.

¹³ Canadian Journal of Political Science. Ottawa, 1998. Vol.32. N. 2. P. 247; *Ажаева В.С.* Указ. соч. С. 75–76; *Заболотный В.М.* Новейшая история стран Европы и Северной Америки: Конец XX–начало XXI века. М., 2004. С. 75.

¹⁴ *Комкова Е.Г., Барановский К.Ю.* Выборы в Канаде: Правые консерваторы у власти // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2006. № 4. С. 65.

¹⁵ *Молочков С.Ф.* Основные направления и особенности внешней политики Канады: Канадо-американские отношения // Канада: взгляд из России. С. 158–185.

¹⁶ *Комкова Е.Г.* НАФТА и политическая борьба в Канаде // Канадский ежегодник. Вып. 9. М., 2005; *Комкова Е.Г.* Этапы североамериканской интеграции // Канадский ежегодник. Вып. 10. М., 2006.

¹⁷ *Молочков С.Ф.* Указ. соч. С. 163.

¹⁸ *Комкова Е.Г., Барановский К.Ю.* Указ. соч. С. 76.

¹⁹ *Молочков С.Ф.* Указ. соч. С. 164.

²⁰ Там же.

²¹ *Данилов С.Ю.* История Канады. М., 2006. С. 113.

²² Там же. С. 113–114.

²³ Там же. С. 115.

²⁴ Там же. С. 137–138.

²⁵ Там же. С. 139.

²⁶ Там же. С. 138.

²⁷ *Заболотный В.М.* Указ. соч. С. 79.

²⁸ Там же. С.80.

Н.Н. Дрыгина

ИЗ ИСТОРИИ ГУБЕРНСКОГО БЮРОКРАТИЗМА ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Реорганизация государственного аппарата России в середине XIX в. не затронула законодательных норм, регулирующих делопроизводство. Продолжали действовать правила, установленные «Общим учреждением министерств» 1811 г. Они определили сложность делопроизводства, формализм переписки, которые еще больше усугублялись громоздкостью государственного аппарата. Строгая регламентация всех процессов документирования и обрядность делопроизводства прочно вошли в «плоть и кровь» канцелярий. «Бумаготворчество» стало основой, смыслом их деятельности, ибо результат ее определялся количеством бумаг и толщиной служебных журналов. В губернских учреждениях выше всего ценилось умение чиновника писать и переписывать бумаги, а особенно высоко – умение «отписываться».

Главным показателем эффективности работы губернских учреждений являлось количество решенных и не решенных дел, исполненных и не исполненных бумаг к концу календарного года. Правда, губернаторы в своих отчетах нередко занижали цифры не решенных дел и не исполненных бумаг. Но даже в заниженном виде цифры не решенных дел и не исполненных бумаг свидетельствовали о «малоуспешности» делопроизводства.

Яркая тому иллюстрация – «бумаготворчество» астраханского губернского аппарата 1860-х гг. Прежде всего – канцелярии губернатора и губернского правления, руководящих местных учреждений Министерства внутренних дел.

Согласно «Общей ведомости по делопроизводству по всем присутственным местам» Астраханской губернии за 1861 г., осталось не решенными к 1 января 1861 г. в канцелярии губернатора – 561 дело, в губернском правлении – 2 285 дел. В течение года в канцелярию губернатора поступило 1 312 дел, а в губернское правление – 3 868 дел. В канцелярии губернатора за год решено было 1 419 дел, а в губернском правлении – 3 247. В итоге, на 1 января 1862 г. в канцелярии губернатора остались не решенными 454 дела, а в губернском правлении – 2 906¹.

По всем учреждениям Астраханской губернии – Приказ общественного призрения, Казенная палата, Палата государственных имуществ, Палата уголовного и гражданского суда, Жандармское управление, Врачеб-

ная управа, уездные суды, Рыбная комиссия и другие – на 1 января 1862 г. осталось не решенными 11 610 дел².

Письменных жалоб на имя астраханского губернатора в 1861 г. было получено 226. Из них передано по принадлежности в губернские учреждения других ведомств (не МВД) – 131. По 19 жалобам на 1 января 1862 г. еще собирались сведения. 41 жалоба была признана «уважительной», отказано было по 35-ти³.

В отчете о состоянии Астраханской губернии за 1861 г. на имя императора Александра II астраханский губернатор действительный статский советник А.П. Дегай дал объяснение по поводу большого числа дел, оставшихся не решенными. По его мнению, «неудовлетворительное положение» делопроизводства по губернскому правлению сложилось в основном из-за того, что «присутствие» губернского правления «весьма продолжительное время» было в «неполном составе». И высказал надежду, что в скором времени делопроизводство «получит надлежащее движение» благодаря вновь назначенным чиновникам⁴.

В течение 1862 г. в канцелярию губернатора поступило 1 207 новых дел, и 454 остались не решенными на 1 января 1862 г. За 1862 г. было решено 1 137 дел, осталось не решенных к 1 января 1863 г. – 44 дела. А в губернских учреждениях различных ведомств – 480 дел, полученных из канцелярии губернатора. Всего не решенными по канцелярии губернатора на 1 января 1863 г. осталось 524 дела⁵.

В губернском правлении к 1 января 1862 г. имелось 2 906 не решенных дел, в течение года поступило еще 3 089. Из них за год решено было 3 357, осталось не решенными к 1 января 1863 г. – 48. А по губернским учреждениям разных ведомств, получившим документы на рассмотрение и решение из губернского правления, осталось не решенными 2 590 дел. Всего не решенных дел в губернском правлении и других губернских учреждениях на 1 января 1863 г. осталось 2 638⁶.

По всем астраханским губернским учреждениям различных ведомств на 1 января 1862 г. было принято не решенных дел – 11 610. За 1862 г. поступило новых дел – 15 763. Решено было в течение года – 16 332. Осталось не решенными на 1 января 1863 г. – 11 041 дел⁷.

В 1862 г. было подано 210 жалоб. Из них к концу года 48 были переданы на исполнение в учреждения других ведомств, еще собирались сведения по 42-м. «Уважительными» были признаны 36, а по 84-м жалобам было отказано⁸.

По всем учреждениям различных ведомств, находящимся в подчинении губернатора, было получено не исполненных на 1 января 1862 г. 2 962 документа. В 1862 г. поступило требующих производства – 145 493, подлежащих приобщению к делу или для сведения – 48 460. Всего скопилось в губернских учреждениях 196 915 документов. Из них было исполнено к 1 января 1863 г. – 145 270, не исполнено – 3 185, отправлено в другие учреждения – 220 032⁹. Столь большое число отправленных по другим учреждениям и не

исполненных документов объясняется отчасти тем, что нередко чиновники под любым ничтожным предлогом и с единственной целью избавиться от какого-то дела и при этом оправдаться перед начальством пересылали дела в подчиненные губернские учреждения¹⁰.

В отчете за 1862 г. астраханский губернатор Дегай отметил изменения к лучшему в области делопроизводства по всей Астраханской губернии по сравнению с 1861 г.: в течение года дел поступило на 1 157 больше, но к 1 января 1863 г. нерешенных дел осталось меньше на 569¹¹. «Делопроизводство можно считать успешным с учетом того, что в отдаленном крае имеется большой недостаток в добросовестных и способных чиновниках, при наличии вакантных должностей от работающих требуется большой труд. В общем, делопроизводство в присутственных местах получило более правильное и быстрое движение»¹². Он особо отметил делопроизводство в губернском правлении: «в целом число решенных дел и исполненных бумаг было выровнено с 1861 г. благодаря деятельности членов губернского правления»¹³.

Между тем министр внутренних дел П.А. Валуев (1861–1868 гг.) рассмотрение практически всех, в том числе маловажных дел, в общем присутствии считал одной из «главнейших причин сложности, медленности и неуспешности делопроизводства губернских правлений»¹⁴.

При этом в губернаторских канцеляриях дела рассматривались более оперативно¹⁵. Причина была очевидна: поскольку четкого размежевания функций между губернаторской канцелярией и губернским правлением не было, то губернаторы, когда считали нужным, «разгружали» свои канцелярии путем передачи дел в правление. Тем более что неудовлетворительное ведение делопроизводства в канцелярии губернатора, как правило, сразу же отрицательно сказывалось на репутации «начальника губернии».

3 августа 1863 г. в «Астраханских губернских ведомостях» был опубликован циркуляр министра внутренних дел Валуева «О соблюдении установленного порядка в подаче просьб». В нем говорилось, что с некоторого времени «заметным образом» увеличилось количество поступающих в МВД просьб и записок по вопросам, которые не относятся к вопросам, решаемым министерством. По содержанию они нередко бывают «так маловажны», что не должны были бы доходить не только до министерства, но даже и до губернского начальства и могли быть решены низшими присутственными местами и лицами. Нарушение со стороны просителей установленного порядка в подаче просьб влекло за собой замедление решения вопросов¹⁶.

В 1865 г. в канцелярии астраханского губернатора осталось не решенных к 1 января 1865 г. 527 дел, поступило за год – 499. Из этого числа было решено в течение года 722. Осталось не решенными на 1 января 1866 г. по канцелярии – 38, а по учреждениям других ведомств – 266. Всего не решенных дел по канцелярии осталось 304¹⁷.

В губернском правлении осталось не решенных к 1 января 1865 г. 3 153 дела, поступило за год – 2 149. Из них в течение года было решено 2 686. Осталось не решенными к 1 января 1866 г. по губернскому правле-

нию – 222, по учреждениям других ведомств – 2 424 дела. Всего не решенных дел в губернском правлении осталось 2 646¹⁸. Если сравнить с количеством нерешенных дел в 1864 г., то это на 507 дел меньше¹⁹.

По всем губернским учреждениям других ведомств, ведущим делопроизводство и находящимся в ведении астраханского губернатора, получено было не решенными к 1 января 1865 г. 11 195 дел, за год поступило – 12 177, решено в течение года – 12 680, осталось не решенными к 1 января 1866 г. 10 692²⁰.

В 1865 г. на имя астраханского губернатора поступило 699 письменных жалоб. Из них было передано по принадлежности – 254, по 45-ти к концу года еще только собирались сведения. По 160 жалобам было отказано, а 240 были признаны «уважительными»²¹.

Во всех учреждениях, состоящих в ведении астраханского губернатора, в течение 1865 г. находилось 191 270 документов. 3 666 на 1 января 1865 г. оставались не решенными. 145 811 требовали рассмотрения и решения. Документов для приобщения к делам и для сведения в было получено в течение года 41 793. Исполнено за год 146 529. Не решенными на 1 января 1866 г. остались 2 948. Из них в другие учреждения в течение года было отправлено 196 647 документов²².

В отчете за 1865 г. на имя императора астраханский губернатор Дегай большое число не решенных дел, как повелось, объяснял нехваткой знающих чиновников: «Малоуспешность делопроизводства заключается в недостаточности в отдаленном крае, по отсутствию дворянского элемента, образованных и способных деятелей»²³. В то же время он отмечал, что «движение дел в губернаторской канцелярии и губернском правлении при честном направлении и деятельности членов правильно»²⁴. И в целом делопроизводство в губернских учреждениях всех ведомств считал находящимся «более или менее в удовлетворительном положении»²⁵.

И в отчете за 1867 г. губернатор Дегай утверждал, что «делопроизводство в большей части присутственных мест находится в удовлетворительном положении»²⁶. Однако все же вынужден был признать и указать в отчете: «В исполнении бумаг допускается нередко медлительность, и неправильное их направление соединяется иногда с совершенным произволом и пренебрежением к участи частных лиц»²⁷.

Однако правительство считало, что делопроизводство в губернских правлениях находится в «плачевном состоянии». Новый министр внутренних дел А.Е. Тимашев (1868–1878 гг.) объяснял это «плачевное состояние» прежде всего «неудовлетворительностью» их личного состава. Причем всю вину за это он возлагал на губернаторов: те, по его мнению, часто «стеснялись входить с представлениями о многих тех чиновниках, которые определялись Министерством внутренних дел». Впредь министр требовал от губернаторов обратить самое серьезное внимание на деловые качества чиновников и увольнять не справляющихся с работой, не стесняясь при этом «никакими сторонними для службы соображениями»²⁸.

Циркуляр Тимашева от 13 мая 1868 г. констатировал тщетность «ожидавшихся перемен к лучшему» в делопроизводстве губернских правлений и отчасти губернаторских канцелярий. Дополнительным подтверждением такого нелестного мнения, устоявшегося в С.-Петербурге, стал отказ Особой комиссии, образованной при Министерстве внутренних дел для пересмотра проекта нового «Городового положения», возложить разбор «прегреваний» будущих органов городского самоуправления с другими местными учреждениями на губернские правления. Свое решение комиссия мотивировала медленным ведением делопроизводства и «несоответственностью» личного состава губернских правлений²⁹.

В течение 1869 г. на имя нового астраханского губернатора – тайного советника Н.Н. Биппена – поступило 9 078 бумаг (8 081 документ и 997 прошений). Из их числа в губернское правление было передано 2 535 (из них 357 прошений). В разные «присутственные места» было передано 1 172 документа и 233 прошения. Всего в канцелярии астраханского губернатора осталось 5 134 документа (из них 404 прошения). В 1869 г. общее количество исходящих бумаг по канцелярии астраханского губернатора составило 4 163³⁰.

Письменных жалоб на имя астраханского губернатора в 1869 г. поступило 997, из них было передано «по принадлежности» 865, по 40-ка жалобам к концу года еще собирались сведения. 66 были признаны «уважительными». Отказано было по 26-ти³¹.

В течение 1869 г. в канцелярию астраханского губернатора поступило 5 182 документа, из них требующих производства 4 392, для приобщения к делам и для сведения – 461. Перешло не решенными из 1868 г. 29 документов. В течение 1869 г. было исполнено 4 401 документ. Неисполненными остались на 1 января 1870 г. 20 дел, отправлено было 4 163 документа³².

В течение 1860-х гг. объем документооборота в губернском правлении в несколько раз превышал объем документооборота в канцелярии губернатора, однако количество решенных дел находилось примерно на одном уровне. Хронический переход из старого года в новый большого числа не решенных дел свидетельствовал о постоянных бюрократических проволочках, о волоките в решении дел, которая вызывалась самыми разными причинами.

Одна из них состояла в детальной регламентации документооборота, в жестких схемах прохождения бумаг внутри каждого учреждения. Наличие таких схем создавало видимость порядка и казенного благополучия. Но контроль за «бумагооборотом» существовал лишь на бумаге. На практике каждый чиновник, особенно из мелких, действовал бесконтрольно, в меру собственных понятий и представлений. Каждая деловая бумага и составленный по ее содержанию доклад, прежде чем выйти из недр губернского правления, свыше 20-ти раз переходил из рук в руки. При этом он записывался в 6-ти книгах³³. Разумеется, это делалось не в течение одного дня.

В Астраханской губернии по указанию губернатора ежегодно чиновники по особым поручениям проводили ревизию делопроизводства в

губернских учреждениях. Каждый раз выявлялось множество недостатков в работе с документами. Основными, общими для всех учреждений, были: долгие сроки исполнения дел (от нескольких месяцев до года), отсутствие отметок на поступивших документах, несоответствие оформления реестров (журналы регистрации) требованиям, не соответствие записей действительным обстоятельствам «бумагооборота», зачеркивание в регистре дела без объяснения причин³⁴. Кроме того, даже решенные дела имели существенные недостатки: многие не были прошиты, не имели внутренней описи, в некоторых из них «затерялись» бумаги по другим делам³⁵. Архивы в учреждениях также находились в беспорядке: не все решенные дела хранились в архиве, отсутствовали описи дел и алфавиты. Поэтому найти нужное дело было крайне трудно, а порой и просто невозможно³⁶. Наконец, сами документы оформлялись с нарушениями. Например, в протоколах порой отсутствовали даты исполнения принятых решений³⁷, из текстов писем трудно было понять, требовали вопросы дальнейшего рассмотрения или же эта информация давалась для сведения³⁸.

Так, в 1869 г. в ходе ревизии делопроизводства в Астраханском городском полицейском управлении нарушения были выявлены во всех четырех столах. В 3-м столе, который занимался взысканиями по векселям, заведенный настольный реестр выглядел как черновик столоначальника: были нарушения в записях, листы реестра не были пронумерованы, сам реестр не был прошит. При его изучении обнаружилось: в производстве управления находятся дела, датированные еще 1841-м и последующими годами³⁹.

По завершении ревизии сами ревизоры медлительность в решении дел объясняли прежде всего отсутствием опытных чиновников. А также тем, что многие дела, которые могли бы решаться по резолюции, решались по протоколу, что требовало больших затрат времени. Но в ходе проверок выявлялось и другое: почти во всех учреждениях были дела, которые решались быстро, и причиной тому были ходатайства заинтересованных лиц⁴⁰. Эти письменные ходатайства находились, аккуратно подшитые, с соответствующей резолюцией, в делах. Но сопровождавшие эти ходатайства устные указания начальства, а также взятки – ассигнациями или «борзыми щенками» – в дела, естественно, не подшивались.

Выявлявшиеся в ходе ревизий, повсеместно и из года в год, недостатки свидетельствовали, в лучшем случае, о некомпетентности чиновников, отсутствию у них не то что служебного рвения, но даже элементарной добросовестности. А еще – об отсутствии должного, не формального контроля со стороны начальства. В худшем – о намеренной волоките и запутывании дел с целью «порадеть родному человечку», а то и отработать полученную мзду.

Отчет о проведенной ревизии делопроизводства в учреждениях Астраханской губернии, как положено, отправлялся в МВД. Туда же поступали отчеты о ревизиях делопроизводства из других губерний. Поэтому высшие чины МВД были хорошо осведомлены о бюрократизме и волоките, про-

цветающих во всех губерниях империи. Причины этого искали в несовершенстве законодательства и нехватке грамотных, опытных, добросовестных чиновников. Но отнюдь не в самой системе управления огромной страной.

А.А. Симонов

КРАСНАЯ АРМИЯ САРАТОВСКОГО СОВЕТА (весна 1918 г.)

Примечания

- ¹ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 531. Л. 58.
- ² Там же. Л. 58.
- ³ Там же. Л. 37.
- ⁴ Там же. Л. 55.
- ⁵ ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.189. Л. 38.
- ⁶ Там же. Л. 22об.
- ⁷ Там же. Л. 38об.
- ⁸ Там же. Л. 22об.
- ⁹ Там же. Л. 40об.
- ¹⁰ *Клушин П.Н.* Доброе старое время // Русская старина. 1892. № 9. С. 616.
- ¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 189. Л. 31.
- ¹² Там же. Л. 35.
- ¹³ Там же. Л. 31об.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 834. Л. 103.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3483. Л. 473, 474; Д. 2894. Л. 923, 924; Д. 2897. Л. 420, 422; Д. 2904. Л. 458.
- ¹⁶ Астраханские губернские ведомости. 1863. 3 авг. № 31. С. 272–273.
- ¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 242. Л. 55.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 246. Л. 52.
- ²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 242. Л. 55об.
- ²¹ Там же. Л. 37.
- ²² Там же. Л. 57об.
- ²³ Там же. Л. 48об.
- ²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 244. Л. 38.
- ²⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 242. Л. 52.
- ²⁶ ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.273. Л.59.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.
- ²⁹ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. 2. СПб., 1877. С. 276.
- ³⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 351. Л. 323.
- ³¹ Там же. Л. 317.
- ³² Там же. Л. 316.
- ³³ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 79. Л. 7.
- ³⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 337. Л. 24–24об.
- ³⁵ Там же. Л. 27.
- ³⁶ Там же. Л. 30.
- ³⁷ Там же. Л. 20об.
- ³⁸ Там же. Л. 28об.
- ³⁹ Там же. Л. 25об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 26.

Одна из ярких страниц «эшелонной войны» – создание и поход Красной Армии Саратовского Совета на земли Уральского казачества весной 1918 г.

В условиях немецкой оккупации Украины и неустойчивости Советов на Северном Кавказе важнейшей продовольственной житницей Советской России стало Поволжье. Среди его зон выделялись Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии – край знаменитой твердой пшеницы, равной которой не было на мировом рынке. Географически уезды тяготели к Саратову, а ветка Рязано-Уральской железной дороги крепко связала их и экономически. Конечная часть магистрали проходила по землям Уральского казачьего войска и соединяла столицу казаков Уральск с Европейской Россией.

В ходе «триумфального шествия» Саратов и близлежащее Заволжье очень быстро оформили военно-политический союз. Уральцам же с началом смуты пришлось сделать иной выбор, хотя добрые отношения с соседями являлись для них залогом продовольственного и материального благополучия.

Известие об Октябрьском перевороте казаки-уральцы встретили враждебно. В самой Уральской области обострились противоречия между различными общественными и политическими силами. Прежде всего – между войсковым правительством, выразившим интересы казачества, и Советом рабочих, крестьянских и киргизских депутатов, пытавшимся выступать от имени крестьян-переселенцев, иногородних и «инородцев».

Впрочем, среди неказачьего населения деятельность Совета не пользовалась особой популярностью. В середине февраля 1918 г. Уральский Совет раскололся, и часть депутатов примкнула к казакам. Почти сразу встал вопрос о признании соседями войскового правительства, как единственно легитимного властного органа. Для выяснения ситуации в Саратов отправилась делегация¹.

В планы саратовских большевиков конструктивный разговор с войсковым правительством не входил. Они полностью ориентировались на политическую линию Совнаркома Республики. Синхронно с центром зрело и отрицательное отношение к казачеству. Способствовали этому и события ноября–декабря 1917 г. на южных границах губернии, где активно действовали отряды Донского атамана А.М. Каледина. Настораживали и слухи об Оренбургском атамане А.И. Дутове. На заседаниях губисполкома не ставился вопрос о казачьей опасности: предполагалось, что казаки постараются захватить Самарскую и Саратовскую губернии, отрезать весь юго-восток от Центральной России. При этом в головах саратовских лидеров зрел грандиозный проект создания Области Поволжья с центром в Сарато-

ве в составе губерний Самарской, Саратовской, Астраханской, Уфимской, части Тамбовской, а также Уральской области и «Киргизских земель»². В этот план явно не вписывалось то обстоятельство, что в Уральском казачьем войске Советская власть не имела серьезной социальной опоры. Переговоры в такой ситуации становились бессмысленными и бесполезными³.

Резкому переходу к вооруженной борьбе поспособствовала депеша от Совнаркома Республики в Саратов, присланная в конце марта. Москва потребовала от губисполкома покончить с мятежниками, используя собственные ресурсы⁴. На тот момент события уже приняли трагический характер: Оренбургский ревком 13 марта спровоцировал на территории Уральского войска, в Илеке, кровавую бойню⁵. Доверие к Советской власти у казаков было поколеблено, и они разогнали областной Совет.

Первоначально в Саратове решено было создать экспедиционные силы по такому принципу: каждому уезду, где уже имелись формирования РККА, выделить по 300 бойцов, а в дополнение к уездным отрядам в городе организовать собственный многочисленный отряд. Кроме того, по настоянию Москвы, согласился выставить один батальон при двух орудиях и 12 пулеметах Тамбов. 500 бойцов при броневике обещала прислать Пенза⁶.

В срочной телеграмме от 29 марта Саратовский губисполком сообщил уездным исполкомам о предполагаемом выступлении на «революционный фронт». При этом оговаривалось, что люди должны быть высланы абсолютно надежные, безусловно преданные Советской власти и из числа ранее проходивших военную службу⁷.

Действительность оказалась много сложнее. Некоторые уездные исполкомы (например, в Вольске и Кузнецке) только планировали приступить к созданию добровольческих красных отрядов. Другие (в Камышине, Петровске) сослались на собственную острую нужду в вооруженной силе. Третьи уже отправили своих красногвардейцев на помощь соседям. Так, Балашовский батальон (примерно 500 бойцов) в марте–апреле вел борьбу с казачьим отрядом есаула П.Р. Дудакова в Донской области⁸.

Но больше всего власть на местах озадачил критерий отбора, предполагавший сознательность, опытность и готовность бойцов умереть за новую власть. Хвалынский уисполком сообщил, например, что «по фильтрации гарнизона» нашлось лишь 124 красноармейца, «готовых выполнить указания Совета»⁹. Однако и этим силам почти весь апрель пришлось в своем уезде вместе с отрядами из Заволжья вести «работу по учету хлеба и водворении революционного порядка»¹⁰. Такая ситуация оказалась типичной для всей поволжской деревни. В результате из ожидаемого внушительного боевого пополнения к середине апреля в Саратов подтянулись только несколько десятков бойцов из Сердобска¹¹.

В самом губернском центре организационный вопрос тоже затянулся, и это несмотря на определенный опыт в деле формирования красноармейских отрядов. Еще в феврале губисполком развернул активную деятельность под влиянием декретов об организации добровольческой Красной

армии. К концу марта в РККА записалось 1 411 добровольцев. Началось формирование пехотного полка из 8-ми рот и пулеметной команды, артиллерийского дивизиона, двух эскадронов кавалерийского полка и инженерного батальона. В перспективе виделась пехотная дивизия трехполкового состава с приданными ей вспомогательными структурами¹².

Однако надежность частей, сформированных Военным отделом, подверглась вскоре большому сомнению. Отсутствие боеспособности красноармейцы показали даже не в боевой обстановке, а во время общегородской манифестации 12 марта, в годовщину свержения монархии (по новому стилю). Во время демонстрации раздалась провокационные выстрелы, командиры опешили, началась паника – части тут же превратились в неорганизованную вооруженную толпу. В результате 23 марта Саратовский Совет принял декрет о всеобщей рабочей красногвардейской повинности¹³.

Принятое решение о принудительном обучении рабочих военному делу и введении для них казарменного режима лишь подчеркивало растерянность в среде большевистских руководителей в условиях обострения конфронтации в регионе. Декрет же оказался в пролетарской среде крайне непопулярным. И уже через месяц он был отменен с оговоркой, что саратовские рабочие сами поймут необходимость обучения. Рабочих призвали добровольно записываться в районных штабах Красной гвардии. В оправдание отмены декрета, большевики заявили рабочим: «Саратовская губерния является воротами в глубь Советской республики, и на нас лежит ответственность, вот почему мы и посоветовали вам приготовиться»¹⁴. В итоге губернский центр смог выделить в распоряжение организаторов Уральского похода преимущественно набранных на скорую руку малонадежных наемников-красноармейцев.

Вдохновителям карательной акции ничего не оставалось, как положить на левобережных соседей саратовцев – николаевцев и новоузенцев. В конце марта они тоже получили срочное извещение о мобилизации. Николаевский уездный Совет народных комиссаров, располагавший на подведомственной территории несколькими сотнями сельских красногвардейцев¹⁵, известил в первых числах апреля о формировании Николаевской армии. Был даже создан Полевой штаб Николаевского уезда и оглашен его список, состоящий исключительно из членов уездного СНК. Пост командарма получил бывший фельдфебель В.И. Чапаев. Однако вскоре от затеи собственной армии николаевцам пришлось отказаться: вооружения, снаряжения и обмундирования почти не было. В то же время Саратов располагал таким имуществом и даже готов был поделиться при условии создания единых вооруженных сил¹⁶. Не исключено, что на едином командования настаивала Москва.

14 апреля саратовские и самарские формирования, получившие громкое наименование «Красная Армия Саратовского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов», стали выдвигаться на железнодорожную линию Покровск–Уральск. Центром сбора стала станция Ершов, а затем, с

20 апреля, – станция Алтата и примыкавшее к ней село Дергачи. Командующим был назначен недоучившийся юнкер С.И. Загуменный, начальником штаба – никогда не проходивший военной службы Б.Г. Молдавский. Именно последний озвучил по горячим следам похода боевой состав «армии»¹⁷, немного позже скопированный и подправленный другим историографом этого похода И.С. Кутяковым¹⁸.

Отряд	Штыки	Сабли	Орудия	Пулеметы	Броне-автомобили	Аэропланы
Саратовский пех.	700	–	6	30	1	5
Саратовский кав. Бредихина	–	275	–	3	–	–
Тамбовский	500	–	2	12	–	–
1-й Николаевский Демидкина	300	–	–	5	–	–
2-й Николаевский Чапаева	600	100	4	20	–	–
3-й Николаевский Шевелева	500	100	2	20	–	–
Новоузенский Сапожкова	1 000	100	4	20	–	–
Итого	3 600	575	18	110	1	5

Впрочем, сам Кутяков считал эти цифры приблизительными, утверждая, что в архиве Красной армии об Уральском походе «не имеется ни одного документа»¹⁹.

Достоверность отдельных сведений, действительно, сомнительна. Так, из доклада начштаба новоузенцев И.В. Аношкина, составленного в ответ на запрос из Москвы, следует, что в уезде к 30 апреля имелось 4 отряда (Новоузенский, Краснокутский, Дергачевский и Александровогайский), укомплектованных 490 пехотинцами и 10 кавалеристами. Из них в поход было отправлено лишь 345 человек. Остальные остались защищать уездный центр²⁰. Таким образом, Новоузенский отряд под командой левого эсера А.П. Сапожкова в реальности оказался значительно меньше.

Состав трех николаевских отрядов более точен. Известно, например, что отряд И.Н. Демидкина – это 1-й Николаевский батальон РККА. Численность его к апрелю составляла 300 красноармейцев-добровольцев, среди которых было 80 бывших пленных солдат австро-венгерской армии. Состоял он из четырех пехотных сотен и батареи из двух 3-дюймовых орудий. На две сотни приходилось два пулемета: один – «Максим», другой – «Кольт»²¹.

Численность николаевского отряда В.И. Чапаева тоже правдоподобна, хотя и весьма приблизительна. Его основу составили жители Сулакского, Перелюбского и Любичского районов²².

В волостном селе Сулак сельский красногвардейский отряд появился уже в конце 1917 г. Первоначально он состоял примерно из 40 человек,

преимущественно большевизированных фронтовиков, сумевших раньше других политических группировок на селе самоорганизоваться и взять под контроль оружие, принесенное сельчанами с мировой войны. В последних числах января 1918 г. в Сулаке состоялся съезд Советов, избравший районный СНК, в том числе военного комиссара И.В. Топоркова. Его усилиями к середине февраля Сулакский районный отряд вырос до 150 бойцов, а к моменту первого похода на Уральск удвоился²³.

Но не все красногвардейцы оказались готовы отправиться в неблизкое путешествие к казачьей столице. Ведь Сулакский, да и другие сельские красногвардейские отряды Саратовского Заволжья, возникли стихийно, в основном на почве «социализации земли», в первую очередь, ради закрепления ее итогов. Как это происходило на деле, видно по запискам уроженца села Мало-Перекопное А.С. Чернова. Придя с фронта, он возглавил отряд таких же фронтовиков, вернувшихся домой с оружием. Однажды ночью, выйдя на «большую дорогу», они стали перехватывать «кулацкие» обозы с хлебом и ссыпать его в общественный амбар. Правда, «кулаки» обезоружили охрану и вернули свой хлеб.

«Но мы не сдавались», – пишет Чернов. В конце февраля 1918 г. он, уже в качестве члена волостного Мало-Перекопневского совета, проводил «социализацию земли и инвентаря, а попросту – экспроприацию деревенских богачей». У «кулаков» – после «жарких споров и даже кровавых схваток» – отбиралась земля, скот, инвентарь, семена, и раздавались бедноте. Отбирали не под чистую, а «поравнивали»²⁴. Гарантией того, что прежние хозяева не вернут свое добро, и служила Красная гвардия.

Но одно дело «воевать» с соседом не выходя за околицу, другое – отправиться в дальнюю, непредсказуемую экспедицию, совсем не связанную с местными, «кровными» интересами.

Кто и как отправился к Уральску, можно узнать из свидетельств самих участников. Так, И. Спиринов – житель села Кормежка – вспоминал, что военный комиссар И.В. Топорков накануне похода сам разъезжал по населенным пунктам Сулакского района и вербовал бойцов отряда. В Кормежке его агитационная речь вызвала бурные дебаты. На носу была посевная, и недавно вернувшиеся с мировой войны сельчане жаждали не ратного, а мирного труда. Многие фронтовики от затеи начальства категорически отказались. На призыв районного военного комиссара откликнулась лишь два десятка красногвардейцев. Далее И. Спиринов поведал, что по пути они захватили в Сухой Отрог, Малое Перекопное, Сулак и всюду отряд пополнялся новыми партиями добровольцев: «рос как снежный ком». К месту назначения в Николаевск он прибыл, имея уже 150 человек²⁵.

Другой очевидец – П.Ф. Козлов – сообщил, что Сулакский отряд состоял не только из бедняков, но и из зажиточных крестьян. Правда, упомянул он лишь сына местного богача – некоего В.П. Петрова. Сам 16-летний П.Ф. Козлов порядочно не дотягивал до призывного возраста, как и некоторые другие названные им бойцы. «Малолетних» добровольцев, по всей видимости, оказалось немало. Влекомые революционной романтикой, горя

юношеской жадной военных приключений, они невольно заменили красногвардейцев-отказников.

Когда топорковцы двинулись из Сулака в Николаевск, собралось много народа из числа родственников, знакомых и друзей. Большинство красногвардейцев были людьми верующими, а потому пригласили священника Перфирия Ивановского, который под колокольный звон отслужил молебен. «Это, – подчеркнул П.Ф. Козлов, – имело для нас и провожающих определенное значение»²⁶.

Местом сбора всех сулачей стал Николаевск. Прибывали они туда большими и малыми партиями с 11 по 25 апреля²⁷. Больше всего бойцов дал районный центр Сулак и село Малое Перекопное – вместе примерно полторы сотни человек. Остальные села района – по 10–20 добровольцев. Всего из 14-ти волостей набралось до 400 человек, из которых примерно сотня – конных²⁸. На общем собрании они выбрали себе командира – И.В. Топоркова.

В Николаевске сельские красногвардейцы получили положенное им походное довольствие и вооружились трехлинейками. Дальнейший их путь лежал вслед другой группе, ведомой Чапаевым. Та уже покинула Николаевск и, пополняя свои ряды, двигалась через села Перелюбского и Любичского районов к Семиглавому Мару – первой цели большевиков на казачьей территории. Где-то в пути отряды встретились. Об этой встрече, а также о дальнейшей подготовке похода на Уральск поведал активный участник тех событий С.Н. Потехин:

«Чапаев с объединенным отрядом прибыл в нашу Семеновку. Топорков и его помощник сходу на несколько минут заехали ко мне на квартиру как командиру Семеновского отряда красной гвардии и как к сослуживцу по Первой мировой войне. Топорков вкратце рассказал, что он тоже в своем селе Сулаке организовал отряд Красной гвардии, который влился в отряд Чапаева, и в порядке выборности он сейчас является помощником Чапаева. Уже выходя из дому, Топорков добавил: из Николаевска они выступили вчера, ночевали в Клопихе.

Во время беседы с Чапаевым я передал ему список личного состава отряда семеновских красногвардейцев и закрепленного за ними оружия...

На собрании семеновских красногвардейцев Чапаев сказал, что из предоставленного списка видно, что фронтовиков строевого состава очень мало, и предупредил о возможных трудностях похода. С его слов планировалось восстановить Советскую власть в Уральске, затем организовать Советы по станицам вдоль Урала вплоть до Каспийского моря. Упомянул и о грядущей посевной... Красногвардеец Балин Ермолай, у которого жена лежала при смерти, задал вопрос: «А после посевной могу я опять вступить в отряд?». Чапаев сказал: «Можешь». По подобным крайним случаям осталось на посевную 6 человек»²⁹.

Всего семеновцы, а также жители Клинцовской, Брыковской и Любичской волостей выделили для похода около 300 человек³⁰. Так общая численность объединенного чапаевского отряда достигла примерно 700 бойцов.

Наконец, третий Николаевский отряд А.М. Шевелева состоял в основном из жителей приволжских волостей уезда – Березоволукской, Горяиновской, Григорьевской, Липовской и Никольской. Тамашние жители имели давние хозяйственные связи с правобережными соседями из Саратовской губернии. Поэтому ранней весной 1918 г., в пору первых большевистских хлебозаготовок, сельские красногвардейские дружины стали приходить друг другу на помощь, пересекая Волгу в разных направлениях. Вот и в момент формирования Саратовской армии отряды николаевцев П.Ф. Баулина и С.М. Шевелева³¹ (примерно 200 бойцов и 100 подвод) по просьбе Хвалынского уездисполкома находились в этом и Кузнецком уездах Саратовской губернии³². Разумеется, к началу Уральского похода эти отряды опоздали, едва успев переправиться по ледоходу на левый берег. Так и не догнав основные силы, по решению штаба «армии» они объединились, слегка пополнились красногвардейцами-односельчанами и составили дальний резерв, охранявший железнодорожные коммуникации на многокилометровом пути от Ершова до казачьей границы.

Похожую задачу на станции Озинки получили бойцы Хвалынского отряда И. Гречина (134 бойца)³³. 1 мая эти красногвардейцы-пехотинцы вошли в состав двухэскадронного Саратовского конного полка. Видимо, они должны были усилить эту ненадежную часть: конники еще до начала боевых действий обнаружили склонность к повальному дезертирству. Только с 16 по 21 апреля сбежали 23 человека. В дальнейшем кавалеристы весь поход простояли на одном месте, и к его концу, по сути, все разбежались. Так, из одного только 2-го эскадрона дезертировало 98 человек³⁴.

Ближайший же резерв «армии» составил подошедший в последнюю минуту в количестве 860 пехотинцев, кавалеристов, пулеметчиков и артиллеристов 1-й Тамбовский социалистический отряд³⁵. Ему предстояло двигаться в арьергарде основных сил.

Не менее внушительным оказался Саратовский пехотный отряд. Его основу составил батальон формируемой Саратовской дивизии. Кроме того, на правах самостоятельной роты в батальон был включен Пензенский отряд из 174 бойцов³⁶. Саратовцы сформировали также легкую и тяжелую артиллерийские батареи³⁷, всего 6 орудий, часть которых была установлена на самодельный бронепоезд в Ершове. Усиливал «армию» и Сводный авиаотряд (18-й корпусной), прибывший в Саратов 17 апреля. В его составе были: 51 человек, 9 лошадей, 4 аэроплана, 1 автомобиль, 4 повозки, вагон-мастерская. Командовал отрядом летчик Комаров. Состояли в нем летчики Семенов, Калан, Михайлов и летчики-наблюдатели Тюников, Тиль, Волков³⁸.

Таким образом, Красная армия Саратовского Совета имела примерно 3,5 тыс. бойцов и немногим более 10-ти орудий. Судить об изначальном количестве пулеметов довольно трудно. Приведенная И.С. Кутяковым цифра в 110 единиц, вероятно, ошибочна. На этом преувеличении акцентировал внимание С.Н. Потехин, приведя в пример отряд Чапаева, который к началу боевых действий имел всего 3 пулемета³⁹.

Отрядные обозы приказано было не брать. Разрешалось использовать лишь «повозки с телефонным имуществом, санитарный обоз и походные кухни». Такое решение соответствовало тактике «эшелонной войны», предполагающей централизованное обеспечение войск на узкой магистрали движения. В данном случае – на участке железной дороги Озинки–Уральск. Планировалось задействовать четыре специальных поезда. Один из них – санитарный № 14 – был оставлен в ближайшем тылу на станции Чалыкла. Трём другим – снабжения, артиллерийскому парку и рабочему – предстояло двигаться в общей группе со штабным эшелоном и бронепоездом. В авангарде ставился рабочий поезд, нагруженный шпалами и рельсами, необходимыми для ремонта части пути от Озинок до Семиглавого Мара, разобранного казаками⁴⁰.

В целом советские экспедиционные силы представляли собой смесь регулярных добровольческих и партизанских формирований с преобладанием последних. Партизанский уклад проявился, во-первых, в стихийности создания многих формирований по территориальному принципу для решения конкретной, внезапно возникшей задачи. Во-вторых, в отсутствии четкого деления формирований на части и подразделения с доминированием отрядной системы. В-третьих, в коллегиальности управления «армией» в виде специального органа – Военного совета полевого штаба, куда входили командующий, начальник штаба и представители (комиссары) органов Советской власти территорий, выделивших отряды. В-четвертых, в выборности командного состава и в замене воинской дисциплины сознательностью бойцов, согласных подчиняться wybranым командирам. В-пятых, в низком качестве командного состава, состоящем в основном из бывших офицеров военного времени, старослужащих рядового и унтер-офицерского состава, а также советских и партийных работников.

Кроме того, многие красные бойцы не имели опыта военной службы. Опыт других ограничивался прозябанием в запасных частях; индивидуальная подготовка и навыки боя в составе подразделения у них отсутствовали. Все это не могло не сказаться на конечном отрицательном итоге экспедиции. Первый поход на Уральск закончился полным провалом. Заканчивался и период добровольчества, а вместе с ним и тактика «эшелонной войны». В июне 1918 г. остатки Красной Армии Саратовского Совета были переформированы и получили наименование «Особая армия» Восточного фронта.

Примечания

¹ Саратовский Совет рабочих депутатов, 1917–1918: Сборник документов. М., 1931. С. 375–376.

² Там же. С. 284, 463

³ Государственный архив новейшей истории Саратовской обл. (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 379. Л. 95–101; *Кутяков И.С.* С Чапаевым по уральским степям. М., 1928. С. 134–142; *Фокин Н.И.* Финал трагедии: Уральские казаки в XX веке. М., 1996. С. 95–140.

⁴ *Гончаров А.В., Данилов В.Н.* Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов, 2000. С. 26.

⁵ *Дубровин Д.Ю.* Уральское казачество в Гражданской войне: Илецкий бой – 13 марта 1918 г. // Гражданская война в России: взгляды и оценки через 90 лет. Доклады академии военных наук (Поволжское отделение, военная история). № 5 (29). Саратов, 2008. С. 40–46.

⁶ *Молдавский Б.Г.* Обзор военных действий от 11-го декабря 1917 года до 15-го сентября 1918 года // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 51.

⁷ Архив Саратовского областного музея краеведения (СОМК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 227.

⁸ *Данильченко С.Ф.* Чапаев и чапаевцы. Чебоксары, 1972. С. 19, 21.

⁹ СОМК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 228.

¹⁰ Пугачевский филиал Государственного архива Саратовской области (ПФ ГАСО). Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 110–111.

¹¹ *Молдавский Б.Г.* Указ. соч. С. 51–52.

¹² *Молдавский Б.Г.* Указ. соч. С. 51; 1917 год в Саратовской губернии: Сборник документов. Саратов, 1958. С. 314; Саратовская партийная организация в годы Гражданской войны: Документы и материалы, 1918–1920 гг. Саратов, 1958. С. 23.

¹³ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 411.

¹⁴ Там же. С. 449.

¹⁵ ПФ ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 17. Л. 230.

¹⁶ ПФ ГАСО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 250; СОМК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 227–228.

¹⁷ *Молдавский Б.Г.* Указ. соч. С. 52.

¹⁸ *Кутяков И.С.* С Чапаевым по Уральским степям. М.; Л., 1928. С. 32.

¹⁹ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 243. Л. 2.

²⁰ ПФ ГАСО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 154; РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 90об.

²¹ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 206. Л. 14об, 16.

²² В начале 1918 г. Николаевский СНК объявил уезд коммуной и административно разделил его на 8 районов в целях лучшего контроля над продовольственной ситуацией и реквизиции излишков у населения. Каждый район состоял из нескольких волостей.

²³ Мемориальный дом-музей В.И. Чапаева (г. Пугачев Саратовской области) (МДМЧ). Борьба большевиков Сулака за преобразование сельского хозяйства (рукопись). С. 2–3. С. 9, 14, 16, 18.

²⁴ Цит. по: *Бирюлин В.* Война без победителей // Волга–XXI век. 2004. № 4. С. 158–159.

²⁵ *Спирин И.* В дивизии легендарного полководца // Социалистический труд (г. Балаково Саратовской области). 1957. 25 сент.

²⁶ *Козлов П.Ф.* Богат Сулак героями // Путь к коммунизму (Краснопартизанский район Саратовской области). 1967. 25 сент.

²⁷ ПФ ГАСО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 160, 256об., 257об., 265.

²⁸ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 206. Л. 15.

²⁹ МДМЧ. *Потехин С.Н.* Воспоминания. Тетрадь № 1–4. Л. 16–18.

³⁰ Там же. Л. 53.

³¹ Родной брат А.М. Шевелева.

³² ПФ ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 110–111; 1918-й год // Авангард (Духовницкий район Саратовской области). 1968. 23 янв.

³³ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 2; *Смирнов П.Н.* Боевые походы // Путь к коммунизму (Хвалынский район Саратовской области). 1957. 27 окт.

³⁴ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 126, 131.

³⁵ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1181. Л. 170.

³⁶ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 86.

³⁷ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1186. Л. 2.

³⁸ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1182. Л. 21.

³⁹ МДМЧ. *Потехин С.Н.* Воспоминания. Тетрадь № 1–4. Л. 37.

⁴⁰ Легендарный начдив: Сборник документов. Чебоксары, 1986. С. 30.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ НА СЕВЕРЕ РОССИИ (1918–1920 гг.)

Гражданскую войну на Русском Севере обострила интервенция держав Антанты, начавшаяся 6 марта 1918 г., когда с борта британского крейсера «Глори» в Мурманске был высажен небольшой десант британской морской пехоты. Высадка была заранее подготовлена агентами спецслужб союзников, активно работавших на территории Мурманского края и Олонецкой губернии. Ведущая роль среди них принадлежала Архангельской организации военной разведки, состоявшей из 4-х офицеров Генштаба, 5-ти разведчиков в званиях младших офицеров, а также 20-ти переводчиков под началом подполковника К.Д. Торнхилла¹. Помимо нее, сбором разведывательной информации и установлением контрактов с антибольшевистскими силами активно занимались сотрудники посольств и консульств в Петрозаводске и Кеми. Связь между спецслужбами и дипломатами обеспечивали агенты британского разведчика капитана Дж. Хилла².

Возможности советских властей по противодействию иностранным разведчикам были крайне ограничены, поскольку единственный орган контрразведки в Олонецкой губернии – Кемский морской контрразведывательный пункт – по решению советского руководства Архангельска был расформирован в феврале 1918 г.³ Что же до местных Чрезвычайных комиссий, то задачи выявления фактов шпионажа перед ними изначально не ставились. К тому же, сотрудники ЧК на тот момент не имели ни опыта, ни средств для обнаружения профессиональных разведчиков. Но после захвата интервентами Архангельска в августе 1918 г. чекисты заключили, что губерния «переполнена шпионами англо-франков»⁴. И М.С. Кедров, организатор обороны советского Севера, стал призывать население «ловить и уничтожать шпионов». Этот призыв был обращен даже к местным крестьянам. Мера эта ничего не дала: за 1918 г. в Олонецкий революционный трибунал из 158-ми поступивших дел ни одно не касалось шпионажа⁵.

Причина столь низкой эффективности контрразведывательных акций заключалась в том, что агентура в данной сфере использовалась эпизодически, а подготовка сотрудников была слабой. Такая ситуация сложилась не только в Олонецкой губернии, но и других, поэтому руководители ВЧК и РВСР в конце 1918 г. решили реформировать контрразведку. В итоге в Советской России появилось новое для нее учреждение, совмещавшее функции борьбы со шпионажем и контрреволюцией в вооруженных силах, – Особый отдел ВЧК. Приказ об образовании его местных органов был разослан в январе 1919 г.

Особотделы создавались при Реввоенсоветах фронтов и армий, а для обеспечения безопасности воинских частей и соединений формировались

Особые отделения. Создавались Особые отделы и в губернских ЧК. В Олонецкой губернии контрразведывательная работа была сосредоточена в Особом отделении мурманского направления (в документах также именовалось Особым отделением 1-й стрелковой дивизии). Его главой стал большевик М. Шафранский, под началом которого в основном служили малоопытные сотрудники: секретарь Журавлев, начальник активной части Сергеев, рядовые агенты Ринк, Меншиков, Красавин, Шишаков и другие. Располагалось отделение в Петрозаводске, на Садовой улице, в доме № 9⁶.

По замыслу создателей, Особые отделы должны были объединить усилия армейских и чекистских органов по защите войск от белогвардейских и иностранных агентов. Их сотрудники были наделены широкими полномочиями вплоть до права вынесения внесудебных приговоров в местностях, объявленных на военном положении. На практике, однако, все вышло иначе. Причин тому несколько, но главная среди них – отсутствие грамотной кадровой политики при комплектовании контрразведки. Во-первых, по воспоминаниям М.И. Лациса, на службу в регионы нередко направляли чекистов, «которых выбрасывали из центрального аппарата ВЧК как малоспособных и малонадежных»⁷. Во-вторых, многие чекисты отличались мессианским самосознанием: «У нас новая мораль. Наша гуманность абсолютна, ибо в ее основе славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства»⁸. Это порождало у чекистов ощущение безнаказанности, открывало низменные стороны натуры.

Все это было свойственно и Особому отделению мурманского направления. Шафранский длительное время вел себя по отношению к другим руководителям весьма вызывающе, разговаривал с ними «в диктаторски повышенном тоне»⁹. Неоднократными были жалобы на его самоуправство, непризнание власти Ревтрибунала и Исполкома, немотивированные аресты и даже угрозы оказания вооруженного сопротивления милиции и судебным органам. Работники петрозаводского Особого отдела зачастую фабриковали «шпионские» и «контрреволюционные» дела в отношении неугодных советских работников. Так, случилось с председателем местного Ревтрибунала И.В. Балашовым, принадлежность которого к партии эсеров позволила выдвинуть против него обвинения в нелегальном снабжении однопартийцев оружием и контрреволюционной агитации. По показаниям большевика И.А. Дериглазова, также подвергнутого аресту подчиненными Шафранского, Балашов пострадал за то, что «сунул было свой нос» в дела особистов¹⁰.

Следственные дела лиц, задержанных по подозрению в шпионаже, свидетельствуют о неумении чекистов выявлять реальные факты разведывательно-диверсионной деятельности. Так, арестованные по наводке секретного сотрудника № 3/13 Павел и Матвей Германовы, Федор Бочков, Максим и Никифор Вахромеевы, уличенные в связях с белогвардейскими

шпионами и порче проволочных заграждений, были освобождены, так как категорически отрицали свою вину, а особисты попросту не смогли собрать доказательства, необходимые для вынесения обвинительного приговора¹¹. Даже после вскрытия фактов разведывательной деятельности и антисоветской агитации среди красноармейцев «особисты» не могли оперативно задержать подозреваемых, которые часто успевали уйти через линию фронта к противнику¹².

Действия контрразведчиков порой ставили под угрозу срыва работу армейских органов. Например, Комиссии по борьбе с дезертирством, члены которой арестовывались агентами Особого отделения. Мотивами арестов выступало не столько стремление пресечь какие-то преступные действия, сколько продемонстрировать власть «особистов» по отношению к советским служащим¹³. Как следствие, борьба с дезертирами на Северном фронте шла с переменным успехом: в июне 1919 г. их насчитывалось более 2 600, а в сентябре – уже более 5 000. Кроме того, в ноябре 1919 г. Шафранский личным распоряжением освободил из-под стражи двух снабженцев 2-й бригады 1-й стрелковой дивизии, задержанных петрозаводскими милиционерами за дебош в пьяном виде. Работникам милиции, потребовавшим объяснений, было заявлено, что они обязаны «исполнять всякие законные требования Особотделения дивизии» и арест военных работников в их полномочия не входит¹⁴.

Эти злоупотребления властью стали возможны из-за того, что среди контрразведчиков бытовало мнение, будто «Особое отделение может обыскивать и арестовывать всех партийных ответственных работников, хотя бы самого тов. Зиновьева, не ставя никого в известность, но в свою очередь, членов Особого отделения, хотя бы они и были неправы в своих действиях, никто не имеет права ни обыскать, ни арестовать, не имея предписаний из центра, так как лица, служащие Особого отделения, – испытанные и профилитрованные коммунисты все без исключения, а милиция более контрреволюционная, так как она состоит из трудового народа, а Особое отделение с советскими, гражданскими и военными местными учреждениями не считается, имея свои неограниченные права в действиях»¹⁵.

Между тем в Особом отделе Олонецкой губернской ЧК ничего подобного не наблюдалось хотя бы потому, что его финансирование шло не из центра, а из средств местных чекистов¹⁶.

Так что именно высокий уровень автономности армейских Особых отделов привел к тому, что их работники стали считать себя высшей властью на местах, ни перед кем не ответственной.

Накопившееся недовольство олонецких работников Шафранским в конечном счете привело к выдвиганию против него, в ноябре 1919 г., обвинения в «некорректном отношении» к службе. Дело было передано напрямую руководству контрразведчика – начальнику Особого отдела 6-й армии И.А. Воронцову. После недолгого разбирательства, уже в декабре, Шафранский был возвращен на прежнюю должность¹⁷. Никаких нареканий в

его адрес не последовало, несмотря на то, что борьба с вражеской разведкой в пределах Олонецкой губернии велась из рук вон плохо. В частности, весной и летом 1919 г. сведения о численности, состоянии и дислокации частей Красной армии беспрепятственно поступали в штаб интервентов¹⁸. Частым явлением стали и крестьянские восстания: зреющие на почве недовольства большевиками, они начинались при содействии агентов стран Антанты. Одно из них вспыхнуло в мае 1919 г. в Толвуйской и Шуньгской волостях после того как англичане и французы снабдили крестьян оружием¹⁹.

Низкая эффективность работы контрразведки вызывалась тем, что применение агентурных методов было редкостью, а основной формой обнаружения агентов противника были «тщательные облавы»²⁰, в ходе которых вражеские разведчики попадались крайне редко. Среди немногих успехов, достигнутых за счет «тщательных облав», был арест содержателей явочных квартир для шпионов К.С. Шурова и Д.Ф. Федорова²¹. Возможность использования такого источника информации как заявления частных лиц также была ограничена, поскольку заявители редко предоставляли конкретные сведения, ограничиваясь мнением, что в некоторых советских учреждениях «нечисто»²². Проверка такой информации редко давала достойный внимания материал – чаще всего это оказывалось домыслами. С другой стороны, серьезные затруднения вызывались недопониманием важности борьбы со шпионажем командным составом дивизии и рядовыми красноармейцами. Случалось, командиры частей арестовывали сотрудников ЧК и освобождали задержанных ими белых разведчиков. Чекисты, оставленные в войсковых районах для поимки вражеских шпионов, порой использовались для ведения боевых действий, а из-за невнимательности красноармейцев-конвоиров пойманные агенты нередко сбегали из-под стражи²³.

В этой ситуации вполне естественным стал рост шпионамии среди местного населения. Крестьяне Олонецкой губернии стали самостоятельно задерживать подозрительных лиц, считая их финскими или белогвардейскими шпионами. Это вносило дополнительный хаос в непростую обстановку на Севере России, поскольку в большинстве случаев такие аресты не имели никаких оснований. Так, 69-летний рыбак Ф. Гурри был взят под стражу своими односельчанами после того, как пять недель пробыл на территории Финляндии, будучи задержан местными пограничниками²⁴. Красноармеец К.Е. Морозов отстал от своей отступавшей части и несколько дней пребывал за линией фронта, по возвращении был арестован как шпион, хотя Юридический отдел Петрозаводской ЧК заключил, «что шпионажа тут быть не могло». Машинист Э.О. Завицкий был сочтен агентом интервентов и арестован за то, что во время проезда по Мурманской железной дороге имел при себе револьвер «Наган» и визитную карточку британского вице-консула в Одессе Д.А. Райта²⁵. Все эти лица впоследствии были освобождены.

Плохая работа «особистов» не могла не ухудшить положения частей Красной армии, действующих на мурманском направлении. Пока сотруд-

ники Особого отдела 1-й стрелковой дивизии в течение почти всего августа 1919 г. препирались с членами Смешанной ревизионной комиссии по вопросам разграничения полномочий военной контрразведки и гражданских властей, антибольшевистскими силами был захвачен порт Толвуи, служивший базой для советских пароходов, занят Кивач, войска противника оказались в 50 км от Петрозаводска²⁶.

В этой ситуации центр тяжести в сфере контрразведки с середины 1919 г. стал постепенно смещаться в сторону ЧК. В частности, стремясь обезопасить прифронтовую полосу от неблагонадежных лиц (родственников дезертиров и белогвардейцев, бывших жандармов и т.д.), чекисты стали прибегать к их высылке за пределы зоны боевых действий. Только из Видлицкой волости Олонецкой губернии были высланы более 50 человек. Выселение шло целыми семьями²⁷. Несмотря на жестокость, в условиях Гражданской войны эти меры были оправданы: родственники белых разведчиков, проживавшие на советской территории, регулярно укрывали их во время рейдов, а потому их высылка усложняла работу армейской разведки белых²⁸. К борьбе с вражескими диверсантами подключился и Военно-революционный комитет, принявший постановление, гласившее, что «в случае повторения повреждения жел. дор. полотна и обрыва проводов граждане волостей и городов, на территории которых будет произведено то или иное повреждение, будут привлечены к суровой ответственности и понесут наказания вплоть до расстрела»²⁹.

Конечно, этих мер было явно недостаточно для пресечения вражеской разведывательной деятельности в Олонецкой губернии. Однако после окончания иностранной интервенции на Севере осенью 1919 г. ситуация постепенно нормализовалась. С эвакуацией иностранных войск прекратилась и активная антисоветская работа заграничных спецслужб. Что же до белой разведки, то она не представляла для 1-й стрелковой дивизии столь серьезной угрозы. Шпионы и диверсанты антибольшевистской Северной области без особого труда обнаруживались чекистами. В течение 1919–1920 гг. были изобличены белогвардейские разведчики Д.И. Марков, А.В. Магюнин, П.А. Нефедов, И.В. Россиева, Я.Н. Антонов, М.В. Волкова, П.М. Степуков и другие³⁰.

Кроме того, к середине декабря во избежание дальнейших конфликтов с подчиненными Шафранского были разграничены полномочия карательных учреждений: «у частных граждан Особый отдел должен производить в случае надобности обыски и аресты с представителем городской милиции»³¹. Для воспрепятствования свободному передвижению вражеских агентов по железной дороге пропуска стали выдаваться контрразведчиками, а не администрацией станций³².

Таким образом, несмотря на ограниченность арсенала методов работы военной контрразведки, недостатки кадровой политики, конфликтный характер взаимоотношений с иными звеньями аппарата управления и автономность Особого отделения, как в структурном, так и в оперативном отношении, его сотрудники внесли немалую лепту в победу Советской вла-

сти на Севере. Как следствие, Особые отделы ВЧК были сочтены оптимальными органами контрразведки.

Примечания

¹ *Plotke A.J.* Imperial spies invade Russia: The British Intelligence Interventions, 1918. L., 1993. P. 94, 103.

² *Hill G.A.* Go spy the land: Being the adventures of IK8 of the British Secret Service. L., 1936. P. 213.

³ РГВА. Ф. 40311. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

⁴ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 17. Л. 84.

⁵ НАРК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

⁶ НАРК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 256. Л. 6, 9.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 170. Л. 42.

⁸ Красный меч. 1919. 18 авг.

⁹ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 429.

¹⁰ НАРК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 747. Л. 5.; Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 255. Л. 364.

¹¹ НАРК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 256. Л. 6, 11, 17, 53, 55.

¹² НАРК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 744. Л. 13, 135.

¹³ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 731–732.

¹⁴ Там же. Л. 619.

¹⁵ Там же. Л. 732.

¹⁶ НАРК. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 13. Л. 163.

¹⁷ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 619об., 666.

¹⁸ National archive of the United States (NAUS). Record Group 120. Publication M924. File 20.22-A. P. 5–6, 28–30.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 178. Л. 347; Д. 179. Л. 10, 117.

²⁰ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 158.

²¹ НАРК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 747. Л. 117, 136.

²² НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

²³ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 184, 335об.; Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 744. Л. 82.

²⁴ НАРК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 261. Л. 4, 9, 10об., 15.

²⁵ НАРК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 227. Л. 2, 14.; Д. 177. Л. 1, 14, 26.

²⁶ NAUS. Record Group 120. Publication M924. File 20.22-A. P. 50.

²⁷ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 477об., 478.

²⁸ НАРК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 256. Л. 11.

²⁹ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 131.

³⁰ НАРК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 744. Л. 13, 29, 135, 157.; Д. 745. Л. 26, 31, 50, 81.

³¹ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 772.

³² Там же. Л. 591.